

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net

czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправлений:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**

или по электронной почте: skleneny.mustek@seznam.cz

Продолжение повести, начало в номерах 31-34

6

На следующий день, когда Семён уже сидел у Рассказовой в комнатке, своя готовность внимать удивляла его самого. Пока гостеприимная хозяйка наливала чай из пузатого самовара за накрытым столом, гость сосредоточенно сидел рядом и терялся в догадках, как же начнётся их разговор?

Он так и не смог чётко для себя сформулировать мучающий вопрос, на который больше всего хотел бы получить сегодня ответ. Отношения с Катей? Но не за этим же его позвала Рассказова. Вчерашний показательный случай на вечерке? Так и без объяснений понятно, что Рассказова была права. Ах да, «как надо?» – вспомнил свой вопрос Рассказовой Семён. Вот с этого и начнём.

– Алёна Евсеевна, так что же, по-Вашему, главное в работе с детьми?

– Семён, а как Вы пришли в профессию?

– Я? – такого поворота он никак не ожидал. – Я после педучилища.

– А почему эту работу выбрали, а не другую?

– Не знаю... – помедлил Рудаков. – Дружья пошли, ну и я с ними заодно.

– А Вы из какой семьи, Семён?

– Отец механизатор, мать доярка в соседнем с городом селе. А я как-то не определился к чему-то конкретному. Много чего нравилось, но так чтобы, как говорится, «с головой», такого не было... Родители вытолкнули учиться. Говорят, иди, сынок, всё лучше нас жить будешь...

– Ну, вот и ответ нашёлся, – проговорила Рассказова, присаживаясь уже окончательно за стол.

– Какой ответ, на что?! – заволновался Семён.

– Самый главный и простой – что главное в работе с детьми. Вы, Семён, меня уж простите, но времени у нас с Вами не так уж и много, потому я буду говорить кратко и по существу. Согласны?

Семён кивнул сперва скорее машинально, но потом, хоть и с опозданием, но утвердившись в своём ответе, произнёс уже вслух:

– Что-то мне это напоминает... думаю, что будет больно, – извиняющаяся, какая-то детская улыбка осветила его лицо.

Семёну вспомнилась та часть разговора с Катей, где она говорила о не всегда уместной прямоте, пусть даже и правильной по своей сути. И вот теперь он сам, судя по всему, оказался на месте слушателя такой «правоты». И положение это, честно говоря, Семёну не совсем понравилось.

Алёна Евсеевна, будучи умудрённой жизненным опытом женщиной, поняла, какие чувства испытывает её гость. Но и разводить мыльную оперу было не в её правилах.

«Господи, помоги найти золотую середину», – помолилась она про себя и начала:

– Мне рассказывали раньше об Анастасии Юрасовой, что вывела вчера тех «живых» ребятишек. И я узнала её вчера на концерте. Не сразу, даже скорее после их выступления. И то, что я её узнала, лишь утвердило меня в своём мнении отдать им первую премию.

– Ну, так Вы же сами настояли на отмене призовых мест, – вставил Семён.

– Совершенно верно. И я от своих слов не отказываюсь. Просто если бы премия была, то я знаю, кому нужно было её отдать.

– Так может, стоило бы оставить конкурс?

– Нет, не стоит. Юрасова же была исключением, которое, к сожалению, подтверждает правило...

– Так как же надо? – назвал свой главный вопрос Семён.

– Как? Корнями проникаться надо. Помните, с чего большевики начали? Красный террор. Это было искоренение тех, кто знал «как надо». А если не знаешь «как надо», то нравственные, духовные связи, не подкрепляемые делом, постепенно увядают и разрушаются.

И становится такой человек как бы без корней. Без нравственных, духовных ориентиров. И тогда легче вложить новую идеологию, легче изменить дух народа без корней. Ведь именно они, эти корни, и связывают предков и потомков через многие поколения. Погибнет одно звено и нанесён уже мощный удар по всему древу рода.

Мальчонка, не получивший дельных навыков от отца или деда, почувствует сперва слабое неудобство, когда не найдёт занимательных, наполненных живым участием дельных игр, затем, будучи не дурак, и используя врождённое упорство, если есть оно, станет овладевать чем-то иным, к чему может и расположения не имеет... так, погонится за модным да ярким чем. Но даже если и найдёт что по сердцу, то вряд ли сердце его наполнится мудростью и теплотой предков без деятельного участия в его жизни мудрого наставника.

...Они настали, эти долгожданные, наполненные спасительностью мгновения, – пахнущие хвоей и молодой зеленью – в тихой и теплой весенней ночи, с бездонным звездным небом, манящим высотой и недоступностью.

И вдруг – вспыхнули огоньки. Это широко распахнулись церковные двери. Мои прихожане, бережно прикрывая ладонями трепетные свечные язычки, двинулись вокруг небольшого, с немалым трудом строящегося храма Сретения Господня. В руках хоругви, иконы.

А наверху, тоже в еще не полностью возведенной колокольне, звонили – женщина и мужчина – слаженно и ритмично. И величаво плыл над селом праздничный благовест. И, вплетаясь в его звонкий, ликующий, радостно-стройный мотив – мощно и дивно звучало:

– Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби, чистым сердцем, Тебе славити.

В этот миг Семён вдруг ярко осознал, что всю жизнь искал наставничества, хотел его всегда иметь рядом. И готовность Рассказовой говорить с ним, отвечать на его вопросы притягивала его. Он вдруг осознал, что великое множество вопросов окружают его каждую минуту. А открывающаяся новая область жизни сулила многое умножение вопросов «как?», «зачем?» и «для чего?».

– Поверьте мне, Семён... как Вас по батюшке-то?

– Ильич.

– Так вот, Семён Ильич, я некогда также упёрлась в некий тупик в своём творчестве. Сейчас, страшно вспомнить, по страстям ходила, жила ими, искала их... Видя вопрос в глазах собеседника, Рассказова уточнила.

– Страсти, на самом деле от слова «страдания». Эталонно можно взять такое явление как «страсти Христовы». У нас сейчас бытует совсем другое значение этого слова, а на самом деле всё обстоит именно так – страдания. Когда человек ищет сильных эмоций, переживаний, глубоких ощущений, он не замечает, как

делается через них зависимым от них. От ярких впечатлений, без которых жизнь для него становится пресной, и ему хочется ещё и ещё...

– А разве не в этом смысл жизни? Все только и заняты тем, чтобы идти от успеха к успеху, расти, развиваться, получать новые знания, умения и через это делать жизнь лучше, удобнее, интереснее. – Задал свой первый, бьющийся прилетевшим мотыльком вопрос Семён.

– Всё это так, да не совсем. Вопрос в том, что человек считает главным, а что второстепенным. Ради чего живёт, чему служит. В этом вопросе «главного и второстепенного» – всё поставлено зачастую с ног на голову. Да Вы и сами в этом убеждались не раз и не два. Только, не зная относительно чего мерить, считали, что это явление существует оторвано, само по себе. Вы любите сладкое? – неожиданно спросила Рассказова, беря в руку конфету.

– Люблю. Стограммовую шоколадку могу за раз съесть.

– Тогда Вам этот пример будет понятен. Смотрите, вот чай. А вот сладости к нему. Сладости вкусные. И калорийные. Можно их съесть чуть-чуть, для радости. Ведь для жизни организма они не больно-то и нужны... А можно объесться ими, упиваясь вкусом до полного обжорства. Вот это самое обжорство, непреодолимая тяга к сладкому и есть страсть в полном смысле этого слова.

Человек страдает от этой зависимости, здоровье теряет, а отказать не может. Также и многие другие естественные потребности человека, выйдя из-под контроля, становятся его обузой, с которой он вынужден считаться. Даже просто в физическом смысле: лишний вес, отдышка, повышенный сахар в крови.

– Но многие начинают соблюдать диету и держат себя в форме. Сильные, волевые люди.

– Опять всё верно, но важно ради чего они это делают. Можно держать себя в форме ради другой страсти, например, культа своего тела. А можно просто сохранять себя в форме для задачи, которую ты просто не сможешь выполнить, если потеряешь форму. Так вот очень важно как раз то, ради каких задач живёт человек! Вы можете сказать, зачем Вы живёте?

Семён покопался в предположениях.

– Ну, – наконец начал он медленно, но в свете сказанного Рассказовой всё выходило каким-то мелочным и незначительным. Сначала цель была получить образование, затем получить место, достигать поставленных целей... но Рассказова, совсем не отмечая названного, явно метила выше. Но об этом «выше», Семён даже не задумывался, ни одной минуты в своей пусть и не такой длинной жизни.

– Я Вам немного помогу, можно?

– Да, конечно, – согласился Семён.

– Вы живёте для счастья.

– С этим не поспоришь, – усмехнулся Семён.

– Но, согласитесь, понятие счастья, опять же, у каждого своё... для кого-то и тех же конфет объесться – счастье! Например, для ребёнка. Но, по своей недалёковидности, ребёнок ещё не понимает, что у него живот заболит... Со взрослыми, по сути, происходит то же самое и зачастую люди ставят себе, в лучшем случае, безвредные цели. Они могут быть и полезными, но основная их ущербность в том, что они кратковременные, не вечные.

При этих словах Рассказова решила отпить из чашки, чтобы посмотреть реакцию собеседника на такое абстрактное для многих понятие как «вечность».

Не увидев отторжения, продолжила, хотя и решила «подложить соломки» в виде более приземлённого толкования.

– Под вечностью я подразумеваю далеко идущие планы. Это те, что не кончатся при этой, земной жизни человека.

– Понимаю. Это жизнь для последующих поколений? Чтобы им легче жилось. Прогресс и всё такое. Или погибнуть, защищая свою страну на войне. – Семён нащупал понятную для себя тему в том новом, что услышал сейчас от Рассказовой.

Но его ждала потеря ясности, ибо следующая реплика Рассказовой вернула его на совсем нехоженые тропы.

– Нет, я имею в виду жизнь вечную.

Семён довольно скоро перестроил себя на новый лад. Он до-

пускал, что после смерти что-то может быть, но вплотную к этой теме как-то не приближался из-за противоречий, которыми была наполнена для него эта тема. Здесь и переселение душ, и приведения, и другие бытующие учения о загробном мире. Поди, разберись в них, что правда, а что выдумка.

Но на могилку своего деда-фронтовика ходил исправно и тот один раз ему даже снился, глядя на внука в упор из-под седых, кустистых бровей. Взгляд его Семён до сих пор помнил – строгий и какой-то любящий одновременно. И в голове как будто просветление от дедова взгляда наступало, отмечая или делая блёклыми и неинтересными предприятия, которым не стоило уделять своего мальчишеского внимания. Вот и теперь дедов взгляд стоял перед глазами.

Видя задумчивость Семёна, Алёна Евсеевна решила подойти к теме с другого края. Может, и с прежней стороны можно было продолжать, но осторожность не помешает.

– Вы, Семён Ильич, про РФС знаете? А ведь когда-то он был один для всех. Это с некоторого времени стали плодиться другие, подобные Фольклорному Союзу организации, каждая из которых претендует на владение эталоном народного творчества.

И началась смута. Каждый тянет в свою сторону и в результате мы имеем то, что сейчас: прописанные нормы, регламенты, конкурсную систему, методистов, кураторов и усиленное внимание лишь ко внешней составляющей дела. Это с одной стороны. А с другой, бунтарские настроения тех, кто не хочет иметь над собой пресловутого административного контроля.

И все, ослеплённые жаждой правоты, пребывают в заблуждении, как это ни странно, забыв... о корнях. А они, как известно, в кунсткамере не живут. Но и без твёрдого, но живого «кому слушать» любое творчество способно в глухие дёбри завести.

Рассказова видела, что Рудаков пребывает в лёгком смятении от прикосновения к закулисной стороне его работы.

– Так как же тогда работать? Чем руководствоваться? Где же тот эталон, с которым следует соотносить свою деятельность? – в растерянности проговорил Семён.

– Знаете, один мой знакомый батюшка сказал: «Фольклор без Православия – превратится в язычество, а вот мы без вас обойдёмся». Поэтому здесь тонкая грань, которую никак нарушать нельзя! Если фольклор подвести под мёртвые нормы, как это делается сейчас в нашей системе дополнительного образования, то он умрёт... Вы же сами видели, что происходило в зале на вечерке после смотра. Это уже обширное трупное пятно на теле нашего дополнительного образования.

Семён понимающе кивнул.

– Если же отпустить фольклор на волю без норм вообще, он проникнется губящим душу языческим ядом, и постепенно в народной среде станет возможно очень многое из того, с чем нормы христианской морали просто несовместимы. Выход один – Православие.

Оно крепко, самодостаточно, и народная традиция в нём, сохраняя свою самобытность, приобретает эталон спасительной вечности. Кстати, сегодня мы воочию наблюдаем истину, озвученную Достоевским – «если Бога нет, то всё можно!»

Посмотрите, что начало твориться с нашими людьми, которые стали «без царя в голове». Мамочки, даже беременные женщины – с сигаретами и пивом. Отцы, сквернословящие при женщинах и детях... для всех них эталон – мне хорошо! Они даже гордятся тем, что могут себе позволить всё это. Почему?

Потому что место царя в голове заняло собственное определение Добра и Зла. Первый раз, кстати, это действие произошло в только что согрешивших Адаме и Еве в Раю. И когда Господь вышел их искать, они спрятались от Вездесущего Бога! Понимаете абсурд – спрятаться от Вездесущего!

А ведь они действительно, вкусив Плода, стали как боги в части способности сами определять Зло и Добро. До того, у них такой возможности, да и самой нужды не было – они жили на полном доверии Богу, в прямом с Ним общении. А отпав, и они сами, и их потомки, т.е. мы, вынуждены искать теперь Эталон, относительно которого достоверно можно определить – как надо?

Что есть добро, а что зло? Но очень многие не обременяют себя

этой работой. Зачем?! Это же довольно трудно и мучительно. Поиск сопряжён со многими неудобствами, ошибками и, что самое для всех нас мучительное – необходимостью их признавать. Поэтому зачастую, не имея внешнего Эталона, человек скатывается в самооправдание, творя любые беззакония. Это аксиома, если

хотите. Не требующая доказательств. Хотя мы их и имеем перед глазами каждый день. К сожалению.

Продолжение следует

Алена Гершфельд

Шарфик из Амстердама

Как-то раз в Амстердамском аэропорту "Схипхол" мы с мужем немного повздорили. Ссора была пустячная, но я надула губы и решила помолчать немного, чтобы без слов продемонстрировать, что муж был неправ. До посадки в самолёт оставался целый час. Муж пораскинул мозгами и решил, что сможет уладить недопонимание посредством шопинга. Он осторожно, всем своим видом показывая, что виноват, предложил прогуляться до дьюти фри. В ответ я еще больше надула губы и отвернулась с мыслью – врешь, меня так просто не возьмешь! Муж еще некоторое время потоптался рядом, потом сделал круг по залу ожидания и неожиданно исчез из поля моего зрения. Вернулся он минут через двадцать в приподнятом настроении и с пакетиком в руках.

– Вот, Пампушечка, шарфик себе купил. Оценишь?

– Себе?! Ну, ты крут! Лучшего способа с женой помириться у тебя не нашлось?! – я ворчала, но мне нравилось его хорошее настроение и, похоже, что шарфик он уже успел и обмыть.

– Ну, я же звал тебя, время есть, можем еще прогуляться, – муж, явно, признавал свою неправоту, а мне только этого и надо было. Уж я-то знала, что именно в такие моменты, когда он уже успел что-то купить себе, на мне он потом экономить не будет. И уже в следующую секунду в голове моей начал выстраиваться список того, без чего не проживу ближайшие полчаса. Ха! Шарфик он себе купил!

– Пампушечка, только, может, сначала в кафешечку забежим?

– Конечно, забежим, только быстро! – жалкие остатки обиды на мужа окончательно как ветром сдуло.

В самолете я решила разглядеть его шарфик. Спокойного, сине-фиолетового цвета с голубым рисунком в виде турецкого огурца с завитками – все-таки, вкус у моего мужа отменный! Шарфик мне очень нравился – красивое сочетание цветов было, как небо во время нашего полёта – вечернее, синеватое, с переливами от тёмного к светлому. Посмотрев на ценник, я, конечно, поняла, что это был сиюминутный мужнин каприз, расточительность на эмоциональном уровне. Но какой был смысл в разжигании нового огня в отношениях? Тем более, что что деньги в нашей семье честным трудом зарабатывает муж – ему и решать, как их тратить. Собственно, мне и обижаться было не резон, потому что сама смотрела в иллюминатор через шикарные новые солнцезащитные очки и была довольна жизнью на все сто процентов.

За четыре последующих года шарфик надевался от силы раза три. Остальное время он грустно почивал в стопочке себе подобных. Мне было очень обидно – красивая вещь, можно сказать, с историей, и вот так бездарно пролёживает свою жизнь на полке в гардеробе. Несколько раз просила мужа надеть шарфик, грозилась, что отберу, но слышала в ответ, что как-нибудь потом, а сегодня нет настроения! Нет настроения, видите ли – и все тут!

И вот, однажды этот день настал! Осенью, где-то в конце октября, когда припозднившееся бабье лето уже покидало Москву, мы торопились на одно мероприятие. Времени было впритык. Муж колебался: надеть пальто поверх костюма – вроде бы еще жарко, просто в костюме – уже не по сезону. Тогда я поняла, что для красивого сине-голубого шарфика появился шанс быть выгулянным. Муж не сопротивлялся, а даже наоборот, с радостью повязал шарфик вокруг шеи. Уже в лифте я ещё раз убедилась – как же шарфик был ему к лицу! Окутанный флёром одеколона от Версаче, он в тот момент был похож на итальянского мачо, что будило во мне давние воспоминания о поездке в Амстердам и обещало романтический вечер.

Мы сели в автомобиль мужа и отчалили от подъезда, уже изрядно опаздывая на мероприятие. Вырулив со двора, мы почти доехали до основной дороги, как вдруг с той же дороги навстречу повернул седан выпуска лохматых девяностых годов и, подъехав в упор к нашему автомобилю, остановился. Мы остолбенели, полагая, что въехавший на дворовую территорию автомобиль должен был сначала выпустить нас, а уж потом заезжать. За тонированными окнами хозяина не было видно – чего ожидать? Мы успели перекинуться лишь парой фраз, как вдруг из машины высочила взлохмаченная женщина – настоящая фурия. Муж понимал, что за ним правда, но был готов уступить взбесившейся даме. Однако сама дама, разбрызгивая фонтаном слюни, конкретно вызывала соперника на битву. Она метнула, как камень из пращи:

– Пижон, ты думаешь, что шарфик нацепил и теперь можешь хамить?

Муж ошарашенно молчал, оценивая габариты "камня". Женщина явно ожидала другой реакции, но столкнувшись с молчаливым недопониманием, продолжила нападение:

– Да, вы совсем совесть потеряли! Думаете, если на джипе, то вам все можно? Видала я таких депутатов! Награбили бабла, напокупали себе дорогих автомобилей, шарфиками обмотались, и думаете теперь, что вы хозяева жизни? Буржуи проклятые! Я в детский сад за ребёнком опаздываю, а вы тут с жиру беситесь!

Муж настолько опешил от потока бессмысленной брани, что даже заслушался. Но, ответь он хоть полусловом, то и эта несчастная половина была бы обращена строго против него самого. Видимо, именно поэтому он молчал и с интересом слушал то, о чем не мог представить себе даже во сне.

За нами выстроился приличный хвост автомобилей – все пути назад были отрезаны. Потратив драгоценное время, проблему как-то решили. Я же думала с большим сожалением о том, что настроение безнадежно испорчено и теперь уж точно – этот красивый шарфик муж не наденет больше никогда!

Анна Андим

Страсти по одеялу

Жило-было Одеяло. Оно было теплое, красивого зеленого цвета, с ярким цветочным принтом, набитое каким-то синтетическим наполнителем, и от этого очень мягкое. Его постоянным пристанищем была большая деревянная кровать, стоящая в квартире, принадлежавшей одному добропорядочному семейству. По ночам одеялом укрывались, а в дневное время оно спокойно покоилось на своем месте, и на него почти не обращали внимания. Лишь немногочисленные гости, изредка посещавшие хозяев, иногда отмечали его привлекательность.

Так продолжалось до тех пор, пока кто-то из семейства, уже и не так важно кто это был, не пришел к выводу: «Действительно красивое Одеяло, гости хвалят. И почему это я должен им делиться? Мое будет!» Решив так, он потихоньку начал перетаскивать его на себя. Другой, увидев какой поворот принимают события, тоже начал тянуть в свою сторону. Так и повелось, то один перетянет, то другой. А после, уже и в открытую на конфликт вышли, вырывают из рук друг друга возжеланный предмет, каждый кричит: «Мое!» Семью забросили! А когда ей заниматься, если Одеяло делить надо? Замешкаешься – живо без имущества останешься!

Одеялу повышенное внимание сначала понравилось. Вот, оказывается, какое оно популярное. У него даже поклонники свои имеются, да что там поклонники, настоящие фанаты. Но со временем ему стало все тяжелее сносить бремя славы, и оно стало рваться. Кто такое напряжение выдержит? А в один прекрасный день оно и вовсе развалилось на куски. А так как и Семья, обидевшись, что ей не занимаются, деру дала, то и хозяева Одеяла приняли решение разъехаться. И даже заштопать бывшую некогда такой красивой постельную принадлежность не пытались, потому что пока перетягиванием занимались, обнаружили, что совсем друг другу не подходят.

А куски, что от Одеяла остались, каждый свой забрал – на память: ну, не зря же боролись! Теперь у одного этот лоскут в рамочку вставлен и вместо картины выставлен на всеобщее обозрение, а другой из своего куска половую тряпку соорудил, полы ведь тоже ухода требуют. Так и живут, каждый на своей волне. А что делать? За новым Одеялом в супермаркет надо отправляться или в бутик дорогой. Но пока лето, и поэтому в Одеяле надобности никакой нет ни у одного из участников этой истории.

Кристина Белякова

Оставь себе на память...

Все герои выдуманы. Так же выдуман и сюжет прозы.

Гуляла я как-то по лесу. Вроде ничего необычного, простая прогулка. Но для людей, которые любят уединяться с природой, наслаждаться её красотой и просто дышать чистым воздухом, лес – это самое приятное место... Лес скрывает в себе тайны, наверняка вы можете найти здесь приключения и найти друзей, близких по духу.

Я шла по сухой, засохшей тропе. Под ногами хрустели сосновые иголки. Стволы сосен, светлеющие к макушке, темнеющие к низу, наклонялись под порывом ветра. Будто сейчас возьмут и упадут. По стволам стекает свежая, душистая смола. Её резкий, но приятный запах чувствуется по всему лесу. Тучи начали закрывать пурпурное, созерцающее солнце. Начал кропить дождь, я люблю дождь. Не смотря на то, что одежда уже пропиталась сыростью, было приятно гулять под дождём. Кеды промокли, началось нудное чавканье, цвет обуви поменялся из жёлтого в тёмно-зелёный.

Я решила переждать дождь и подбежала к высокой сосне. Её ветви скрыли меня, и дождик уменьшился. Ветки больно царапали ноги и руки, вдруг я заметила, как мелькнула чья-то тень... Кто бы это мог быть? Тень промелькнула промеж стволов сосен,

теперь сквозь кусты. Остановилась и испарилась в воздухе. Стало не по себе, по телу пробежали мурашки.

Теперь тень стояла передо мной. Но это уже была не тень, а настоящий человек.

– Привет, я вижу, ты любишь гулять по лесу? – Спокойным голосом поинтересовался парень.

– Да.

Он пристально смотрел мне в глаза. На нём был чёрно-белый костюм. Костюм в лесу?!

– Держи. – Парень протянул ко мне руку.

Я сделала так же, он что-то положил мне в руку и сжал её в кулак.

– Оставь себе на память... Это будет мой подарок. – С ухмылкой произнёс незнакомец.

В ту же секунду он растворился. Дождь закончился, перепугавшись, я даже забыла посмотреть, что подарил мне этот незнакомец. Я бежала вперёд, без оглядки, и наконец, вспомнила про подарок. Это был кулон в форме сердца, к нему был ключ, я вставила ключик в отверстие, и сердечко раскрылось, заиграла приятная музыка, как из музыкальной шкатулки, внутри был нарисован лес с надписью: «Ещё увидимся».

Дарья Боровски

ЯЙЦА

Порядочного человека легко узнать по тому, как неуклюже он делает подлости.

М.Жванецкий

– Иду, иду! Открываю! Что случилось-то? Пожар что ли? Кто там?

– Это я – Вера. Здравствуй! Ужас! Я такое натворила... Как теперь с этим жить? Так стыдно! И как меня угораздило-то дуру!

– Здравствуй! Проходи сразу на кухню. Что случилось?

– Женька, ты мне сначала скажи. Ты же понимаешь, что я это натворила случайно, по невнимательности. Ты ведь меня знаешь: я и ругаться-то не умею до сих пор...

– Да знаю-знаю. Какое ругаться! Ты краснеешь, когда слышишь слово «негодяй»...

– Ну уж! Это, наверно, слишком... Только я – порядочная женщина! Я из интеллигентной семьи... Я не могла бы ТАКОЕ ляпнуть, если бы не эта ситуация... Кошмар! Просто ужас!..

– Вера! Ты скажешь, наконец, что случилось?

– Да-да. Только ты, пожалуйста, не рассказывай никому, ладно? Стыдно-то как! Понимаешь, я задержалась на работе. Аспиранты там что-то напоргачили, а мне пришлось разбираться. У нас ведь всегда я – научный секретарь – за всё отвечаю. Когда я на улицу вышла, уже начинало темнеть. А погода сегодня гадкая: ветер,

холодно. Вчера чуть дождик прошёл, а сегодня всё подморозило. Так скользко! Мне приходится по пути к остановке идти вниз по склону. Ну, ты знаешь. Вот иду я, стараюсь не упасть, а впереди мужчина. Балансирует он на ледяной дорожке, а в руке у него в сетке десятка два яиц. Смотрю я на эти яйца и думаю: «Вот ведь как будет жалко этого мужика, если он упадёт». И ведь навязчивая такая мысль: он сейчас упадёт. Я переживаю за него, нервничаю и понимаю, что мне нельзя вообще-то так думать, чтобы не накаркать на него этой беды. Заставляю себя об этом не думать, а не получается. Тогда я поторопилась и обогнала его. Я уверена была, что для его блага стараюсь. И ведь даже получилось на какое-то время прогнать мысли о его падении! Иду я дальше, а минут через пять слышу за спиной хлопок и треск. Упал-таки мужик на скользкой дороге! Я обернулась. Мужчина лежит. Я к нему. Руку протягиваю, чтобы помочь ему встать. Говорю ему: «А яйца-то Ваши целы?» У него глаза на лоб полезли. А я вижу, что тот, у которого яйца в руке, спокойно продолжает свой путь, и сеточка при нём, цела и невредима. А передо мной совсем другой мужчина лежит с выпученными глазами из-за моего хамства. Представляешь? Я, конечно, извинялась перед ним, но сама понимаешь... Такая дурацкая ситуация! Вот как с этим жить? Так некрасиво получилось! Так стыдно! Так стыдно!

Наталья Заостровская

Лиганд

Сергею Гилёву, моему другу

Живя в одной квартире, мы все трое старались устроить свою жизнь так, чтобы всегда ночевать дома, независимо от других отношений. Утро и вечер принадлежали нам, что бы ни происходило днём.

Лиля Брик

Скучающая вахтёрша обходит корпус, заглядывает на кафедру, чтобы намекнуть, что к 22.00 надо бы уже сдать ключи и покинуть помещение. А мы пьём чай, и я слушаю Тома. Он обо всём так увлечённо говорит! Как гулял с друзьями, ходил в магазин, сдавал экзамены. Сегодня Том рассказывает мне о лиганде, сопровождая свой рассказ рисунками в тетрадке. Лиганды являются донорами электронной пары, при их присоединении к центральному атому химические свойства комплексообразователя и самих лигандов часто претерпевают значительные изменения.

Том говорит, что только последовательная связь обеспечивает прочность системы:

– Представь молекулу воды: к атому кислорода присоединяются два атома водорода, но они не соединяются между собой. Если

связь возникает между всеми элементами – система разрушается.

– То есть, – рассуждаю я, – все попытки поиска полноценного третьего элемента являются утопичными?

– Да. Может, например, возникнуть борьба за самку.

– А если у элементов нет борьбы за самку?

– То есть они геи? Всё равно.

– Том, значит, ты считаешь, что пол, возраст, сексуальная ориентация не имеют никакого значения, и равноправное соединение трёх элементов неизбежно ведёт к разрушению созданной структуры?

– Да. Именно так. Это химия, физика, социология, психология.

Дома я перечитываю давнюю переписку со своим знакомым:

– Привет, Антон! Могут ли долго и гармонично существовать тройственные союзы? Как ты сам думаешь? Из всего университетского курса социологии я запомнила только то, что любой коллектив из нечётного количества человек рано или поздно распадается. Если в коллективе трое, то кто-то вытесняется, если больше – коллектив распадается на группы с чётным количеством. Или не всё так категорично?

– Это всё теория. Пробуйте, *carpe diem!*

Елизавета Лещенко

Загадка Дженни

Когда бы Майк ни встречал Дженни – он никогда не узнавал её. Точнее, когда она мягко толкала его в плечо и весело говорила: «Хе-эй!», – он несколько секунд с блаженной улыбкой идиота пялился на хорошенькую незнакомку, которая явно заигрывала (вообще-то говоря, Майк отроду не был обделён женским вниманием), и только когда Дженни закатывала глаза и состраивала одну из своих дежурных «прискорбных» рожиц, Майк наконец-то опускался с небес на землю и со смущенным видом приветствовал давнюю подругу.

Дженни и Майк, по большому счету, даже и не были друзьями, хотя все, кто видел этих двоих вместе, неизменно принимали их за «сладкую парочку».

Дженни и Майк знали телефоны и адреса друг друга, но почти никогда не договаривались о встрече: просто, когда приходило то самое время, один из них появлялся на пути у другого – просто и естественно – так уж у них повелось.

На этот раз встреча настигла их в очереди на последний киносеанс. Вообще-то, очередью это было назвать сложно: кроме Дженни и Майка здесь была небольшая группа тинэйджеров и одна крепко «слипшаяся» парочка. Показывали фильм ужасов, да и то неновый и малобюджетный.

– Скучно спать? – произнесли в один голос Дженни и Майк и утвердительно кивнули друг другу в ответ. Так они всегда честно объясняли себе причину совместных ночных шатаний где придется.

Развалившись в кресле нога на ногу, Майк хрустел попкорном, уставившись в какую-то точку экрана, где безучастные цветочные

пятна хаотично сменяли друг друга. Мимолётные подруги приходили в его жизнь и уходили, как будто, прогуливаясь по шумному городу, вдруг решали ненадолго присесть на скамейку в тихом парке. Но то ли в этом парке обитали чудовища из потустороннего мира, то ли уж очень ответственный сторож обходил перед закрытием дозором все дальние закоулки – проходила ли пара дней или пара месяцев, и скамейка неизменно пустела.

В мире же, где они с Дженни так беспечно и бесцельно проводили время, не было ни сторожей, ни чудовищ. После этих встреч оставалось лишь чувство всеобъемлющего покоя, хотя скорее, блаженного забытья. Как она вообще выглядит?!

Майк повернулся направо. Ему хотелось посмотреть на нее. Смотреть долго и жадно, не отрываясь, пока на самой подкорке мозга не отпечатается каждая еле уловимая черточка, каждый едва заметный дефект.

Там, где, как казалось Майку, только что сидела девушка, зияло опустевшее пространство. На кресле лежали смешные очки, которые они однажды вместе выиграла, когда случайно встретились в парке. Дженни любила вот так внезапно исчезая, оставлять «автограф» – это был ее излюбленный способ избавления от надоевших вещей, и, как Майк наконец-то осознал, побег от прощания.

Оказывается, он столько всего помнил о ней и так мало понимал. Но теперь Майк знал, что никогда не найдет ключа к загадке Дженни, потому что никакой загадки не было.

А еще он точно знал, что завтра позвонит ей и назначит свидание.

Таис – так её назвали на кафедре, куда она пришла молодой аспиранткой. Это совпало с выходом в свет книги Ефремова с таким названием. У неё же это имя – аббревиатура из начальных букв имени, отчества и фамилии так прижилось, что даже для сына, питавшего к маме самые нежные чувства, она стала Таис.

Таис в студенческие годы в экспедиции на раскопке кургана бронзового века увидела захоронения мумии в позе эмбриона. Так они готовили покойника ко второму рождению, надеясь на переселение душ. Их желание возродиться так тронуло её, что она решила заняться изучением именно бронзового века, скромно расположившегося между медным и железным. Сын за это время вырос, стал ученым физиком. Он мягко посмеивается над Таис, что она всю жизнь живет в своем бронзовом веке.

Вот и сейчас она делает описание новых артефактов, найденных в последней экспедиции. Телефонный звонок сына отвлек её от компьютера. Он прилетел из Парижа. Машина у него на стоян-

ке в аэропорту. Он хочет заехать к ней. У него есть сюрприз для неё. Таис бросилась на кухню, приготовить хачапури – любимый пирог сына. Замелькали руки – сыр, яйца, зелень, тесто. Кажется, успевает.

А вот и сын – вкусно пахнущий Парижем, с внушительного размера коробкой. Уже с порога стал оживленно рассказывать о поездке, не преминув сказать, что как всегда повстречался с тремя дамами в Лувре. Эта потерявшая голову Самофракийская Ника, одна из этих дам, опять унесла его в небытие. Он долго бродил по Парижу, окрыленный этой богиней Победы. Проходя по площади Вогезов, в витрине антикварного магазина увидел танцующую бронзовую девочку.

Подумал, что именно так выглядела богиня в детстве, и он не может не купить эту статуэтку для Таис. При этом сын распечатал коробку, из которой появилась бронзовая статуэтка танцующей девочки.

Глаза Таис засеяли от счастья. Какую же красоту привез сын ей в подарок! Но после слов благодарности сказала: «Когда же ты спустишься с неба от богинь, познакомишься с земной дамой и принесешь мне долгожданную внучку?» Сын сразу заторопился, вспомнил о делах и уехал.

Таис поставила статуэтку на письменный стол, рядом со старинной бронзовой настольной лампой. Вечером, продолжая работать и включив лампу, увидела, как засияла порхающая в танце девочка. Кажется, с выводами в статье не надо торопиться. Нужно дождаться изотопного анализа образцов, и только тогда можно будет сказать, к какому периоду бронзового века относятся эти находки.

Распечатав статью, Таис перечитала и сделала пометки для правок. Вдруг кто-то прикоснулся к ней. Около неё стояла девочка лет десяти, по плечам которой струились волосы с бронзовым переливом. Таис встретила умный взгляд карих с бронзовым отсветом глаз. На вздернутом носике и щеках – остатки бронзовых брызг.

– Хочешь, я буду твоей внучкой?

– Хочу. Как тебя зовут? От неожиданности сказала Таис. Ей и правда очень понравилась девочка.

– Ника. А почему ты хочешь, чтобы у тебя была внучка?

– Ну, как тебе объяснить, это моё продолжение жизни на земле. Кроме того, это дает возможность заглянуть в будущее. Ведь меня

уже не будет, а внучка сегодня – гостья из будущего.

– Ты довольна своей жизнью? Ты хотела бы прожить её иначе?

– Я занимаюсь любимым делом. И это важно. Думаю, что служение людям – это главное в жизни. Я горжусь своим сыном. Умный, добрый, порядочный человек. Он защитил докторскую диссертацию, когда ему еще не было 35 лет. Очень серьезная работа.

– А кто его отец?

– Мой муж – инженер. Работает, но, при этом, все его интересы – телевизор, футбол, бокс. Мы настолько разные, что давно живем параллельными жизнями. Моя приятельница-злорычица сказала о нем: «И ни украсть, и ни покараулить».

– Что тебя волнует?

– Мне думается, что главная беда сегодня – потеря связей между двумя великими братскими народами – русским и украинским. Прерваны тысячелетние связи, гибнут люди, рушатся семьи. Зять моей соседки, украинец, живя достаточно долго в России, заговорил вдруг на украинском языке и стал восхвалять Бандеру. Его отправили «лечиться» в Киев. Беда, что рушатся связи не только между народами, но и семейные.

Таис вздрогнула. Кажется, она устала так, что задремала, сидя за столом, и то, о чем мечтала – встреча с внучкой и переживания последнего времени – переместились в сон.

Она собрала свои бумаги на столе и выключила настольную лампу. Бронзовая статуэтка мерцала в лунном свете.

– Куда сегодня пойдем? – Он, как соскучившийся по прогулке пес, который держит поводок в зубах перед дверью, нетерпеливо топтался у порога.

– Пройдемся по набережной Рамбла, в Монтевидео? – Она не спеша красилась перед зеркалом.

– Давай! Мы там не были уже столько лет! – Он еще более нетерпеливо заерзал у двери.

– Ну, все, я готова! – она завершила сборы, и взяла его за руку.

На набережной было не многолюдно. Неспешно прогуливались пожилые пары, иногда, мимо стремительно проносились молодые люди на скейтбордах и роликах. Дул легкий ветерок, который нагонял прохладу. Волны равномерно, с оттягом, лениво падали на песок пляжа, задавая ритм неспешным шагам. Они шли, взявшись за руки, и счастливо смотрели по сторонам и друг на друга. Он что-то ей рассказывал, указывая рукой куда вдале. Иногда, он шутил, и они громко смеялись, привлекая внимание прохожих. Затем, неожиданно, они замолкали, шкодливо оглядываясь по сторонам. А, потом, не выдержав, опять начинали смеяться. Они подошли к сувенирной лавке, расположенной рядом с пляжем, и долго спорили, выбирая магнитик на холодильник. Прохожие удивленно смотрели им вслед. Некоторые качали головой.

– Qui;n est; hablando? – С кем это он говорит? – кое-кто не мог удержаться от вопроса.

А пара продолжала уходить вдале, смотря друг на друга влюбленными глазами.

– Сегодня твоя очередь выбирать маршрут! – Она заканчивала сборы, пока он завязывал шнурки.

– Что ты думаешь, если мы пройдемся по старому городу в Праге?

– Замечательно! Только мне надо переодеться! – и она торопливо стала снимать с себя вязаный свитер.

По маленьким улочкам гуляло много туристов, которые постоянно шелкали направо и налево своими фотоаппаратами и смартфонами. Взявшаяся за руки пара постоянно натыкалась на кого-то из них, так как они никого не замечали. Он рассказывал ей об исторических местах, которые они проходили. А она, смотрела на него влюбленно, слушая лишь тембр его голоса. Они никуда не заходили, за исключением сувенирного магазина, и купили фаянсовый магнитик с изображением собора Святого Вита. Туристы пугались на мгновение, и шарахались от них. Но почти сразу забывали об этой паре и продолжали фотографировать все вокруг.

– Ему срочно надо лечь к нам на обследование! Похоже на реактивный психоз, связанный с сильным эмоциональным потрясением. Но точный диагноз я смогу поставить только у нас в клинике. Отнесите к нему с пониманием, ни в коем случае не спорьте, больше общайтесь с ним, и привезите его на обследование утром в четверг.

Доктор собрал бумаги, сложил их в портфель и направился к выходу. У дверей, он бросил взгляд в комнату, где сидел больной, и добавил: «В разговоре не упоминайте имя его возлюбленной и все, что связано с ней!»

Как только захлопнулась дверь, человек, сидевший в комнате, поднялся, прошел из комнаты на кухню и прикрепил новый магнитик на холодильник. Сингапур. За последний месяц холодильник стал облеплен магнитиками из экзотических городов и стран со всего мира. Молодой человек, проводивший доктора, только удивленно поднял брови и вздохнул. А сам больной, поймав новую мысль, вернулся обратно в комнату, собираться на прогулку.

Черняк Олег

ЛИЗКА

Олег Черняк родился 18 июня 1961 года в городе Перми. После окончания ВУЗов получил профессии – инженер, руководитель, психолог. Директор Центра образования Индустриального района города Перми. Первый рассказ написан в декабре 2015 года. В настоящий момент, по заказу "ANO UNPRESS", готовится к печати сборник рассказов «Птица вольная».

Лизка, опершись на подоконник, смотрела в окно. Зима, как и в прошлом году, была ужасная. Постоянно валил мокрый снег и, касаясь земли, тут же превращался в унылую жижу. Легкий морозец и сильный ветер сковывали грязь скользкой коркой, а проезжавшие машины с хрустом проваливали тонкий лед, окатывая голые деревья коричневыми волнами. Но сегодня все было не так. С утра шел по-настоящему сказочно-пушистый снег. Он не таял, а ровно ложился под ноги. Зима вступала в свои права, ведь до нового года осталось всего три дня! Людей на улице становилось все меньше и меньше. Сквозь запотевшее стекло Лизка старалась разглядеть знакомую фигуру – его, самого дорогого для неё человека. Но почему-то его не было. Потрескавшаяся кукушка в старых часах начала отсчет. Лизке казалось, что она сегодня кукует не так, как всегда. А как-то по-другому, с издевкой. «Ку-ку – он не с тобой», «Ку-ку – он с другой». Раз, два... одиннадцать! Уже одиннадцать. А как же многолетний ритуал? Каждый вечер в это время они садились рядом в огромное кресло, она, свернувшись, кладет голову ему на плечо, он закуривает трубку. И они вместе смотрят по телевизору новости дня. Аромат табака, перемешанный с запахом его парфюма, всегда кружил Лизке голову. Она закрывала глаза и наслаждалась этими минутами. Лизка легла на кровать и засунула голову под подушку. Её начинало слегка трясти от страха, что он не придет. Они вместе уже пятнадцать лет. Первый раз они увиделись на выставке собак. Она сразу его заметила. И видела, как он на неё посмотрел. В его глазах было столько тепла! Ей очень хотелось ему понравиться. Она вертелась перед ним так, что до сих пор стыдно. И буквально через неделю он привел её к себе в квартиру. Начались обычные будни. День за днем. Лизка снова подошла к окну. Все та же картина. Пустой двор и густой снег. А его нет. Почему-то она вдруг вспомнила, как прошлой зимой он учил её кататься на сноуборде. Они вместе вставали на него, и мчались по сугробам. Оба падали и радостно ваялись в снегу. Потом долго отогревались в теплой машине на заднем сиденье и поедали краковскую колбасу, откусывая с разных сторон, пока не стучались носами. Как было здорово! Но где же он?

Музыка в зале не просто громко играла. Она гремела. Сил уже не было. Но надо было терпеть. Он знал, что если не решится сегодня, то уже не решится никогда. Он постоянно думал о Лизке. Она дома одна. Ни разу за пятнадцать лет он не оставлял её так надолго. Но сегодня особый случай. Он пошел на этот корпоративный праздник в канун нового года только для того, чтобы пообщаться с Ритой за пределами офиса. Обычно он все организовывал и уезжал домой. Не хотел мешать людям отдыхать. Сотрудники его уважали и побаивались. Он считал, что его присутствие на вечеринке будет сковывать коллег. Сейчас, спрятавшись от грохочущей музыки в фойе, он наблюдал, как люди веселятся. Никто его не стеснялся. Четверо парней из отдела продаж недели белые балетные пачки из ватмана и пытались исполнить танец маленьких лебедей, правда под музыку "Семь сорок". Все сотрясались от смеха. Молодцы, умеют отдыхать. Хорошие ребята подобрались в его фирме. Хотя как подобрались? К отбору персонала он относился с особой педантичностью. Через знакомых ребят из ФСБ он наводил справки о каждом кандидате на вакантную должность. Но уже три года этого делать не приходилось,

так как фирма работала стабильно. Никто не уходил. За долгие годы совместной работы все и так знали всё друг о друге. Кто что ест и кто с кем спит. Но месяц назад в коллективе произошли изменения. К большому сожалению для всех, ушла заместительница по персоналу. И на её место он принял Риту.

Лизка не находила себе места. Она металась по квартире из угла в угол. Она остановилась у огромного зеркала. Осмотрела себя. Хороша, ничего не скажешь. Как ей идет эта шикарная серебряная цепочка, которую он ей подарил. Конечно, назвать это ювелирное творение просто цепочкой сложно. Это была прекрасная работа. Звенья цепочки были выполнены в виде лягушек, сидящих на листьях лилий. «Где же он? – думала она, Что с ним?» Есть она не могла. Мысли... Мысли... Она села на пол у входной двери, стала поскуливать, точно как соседский щенок.

Первый раз он отошел от правил. Риту он не проверял ни через службу безопасности, ни через знакомых. Он попросил её рассказать о себе. Рита говорила, но он не слушал. Он просто смотрел на неё. Это было какое-то оцепенение. «Ну вот, в общем и все», – сказала Рита. «Что всё?» – подумал он. Нет, это не все. Это только начало. Она должна быть всегда рядом с ним: и на работе, и дома. А Лизка? Как быть с Лизкой, она не поймет, ведь столько лет вместе.

Рита приступила к работе уже на следующий день. Он видел, что он нравится ей, и понимал, что надо что-то предпринимать. Но субординация? А кодекс чести и на работе роман? Решено! Надо идти на вечеринку и там все сказать Рите.

Лизку не покидало дурное предчувствие. Он говорил ей, что до неё у него была другая. Но она умерла. Может, она умерла от тоски? Так же бросил её одну и загулял? Лизка снова подошла к окну. На спящие во дворе машины падал пушистый снег.

Рита вышла в фойе. Вот он где! Как же он ей нравится. Она чувствовала, что тоже симпатична ему. Уже месяц он кружит вокруг неё. Вызывает к себе в кабинет, заходит к ней. А может, ей это только кажется? Поднимается, подходит.

Язык не слушался. Он взял её за руку и пробормотал: «Хочешь, я отвезу тебя домой?»

В машине они молчали. Из колонок едва слышно пел Митяев. И как будто в такт музыке по лобовому стеклу скользили дворники, отгоняя мохнатые снежинки. Приехали. Он обошел машину и открыл Рите дверь. Она вышла, и он потянул её к себе. Так они и стояли обнявшись. Он смотрел, как снег засыпал её голову. Снежинки цеплялись за волосы и превращали Риту в Снегурочку. «Рита! А давай новый год встретим вместе?» «Давай», – ответила она. «А потом поедem смотреть салют. Хорошо?» «Хорошо», – ответила она. «А второго января поедem ко мне на дачу. Согласна?» – «Согласна». Он понял, что сейчас, что бы он ни сказал, она будет согласна со всем. Он проводил Риту до подъезда и помчался домой. В висках стучало. Лизка! Как ей сказать?

Поехал лифт. Лизка напряглась. Это он! Она отскочила от окна и бросилась в коридор. Щелкнул замок. Дверь открылась. Он! Сделав шаг назад, Лизка бросилась ему на грудь. Не ожидая такой встречи, он отшатнулся и, зацепившись карманом дубленки

за вешалку, рухнул на спину.

Лизка! Лизка! Но Лизка не слушала его. Она лизала ему глаза, уши, нос. Он не мог оттащить её от себя. Они катались по полу. Радостный ризеншнауцер Лизка в красивом ошейнике из лягушек не давала ему подняться.

«Лизка! – кричал он. – Я сделал это! Лизка, я все ей сказал!»

Лизка села. Что-то новое было в её хозяйине. Он какой-то другой. Но это не важно. Главное, он дома, и они вместе.

Лизка бежала рядом с ним по рыхлому снегу. Они вдвоем тянули сноуборд, на котором, качаясь и размахивая руками, стояла смеющаяся Рита.

Маришка сидела и судорожно отрывала лепестки от подаренной уже давно, еще перед ссорой, а потому и увядающей Никитиной розы: «Любит – не любит, любит – не любит...» Лепестки безжалостно падали на пол, прямо в объятия «имевшего на них виды» кота.

– У всех пацаны как пацаны, а у меня – одно наказание какое-то, – причитала перед котом Маришка. – Вон, у Анютки перед днем ее рождения Макс весь асфальт исписал перед окнами в поздравлениях. А мой что?! Открытку какую-то подписал и доволен... Ну и что, что там стихи собственного сочинения? Ну, никакой глобализации и масштабности у Никитки нет. Меня масштабность трогает, размеры. А это разве любовь? Да курам на смех!

А Светику так Стас целую охапку полевых цветов принес. У нее дома даже ваз не хватило, чтобы их расставить. Пришлось у соседки даже банки занимать трехлитровые. А мой – подарит каких-то три розочки и довольный стоит, будто подвиг какой совершил... Ну никакого простора для воображения! Какая стандартность мышления! Нет, не любит он меня... Смеется надо мной только.

Вот когда любят по-настоящему, тогда ревнуют так, что все вокруг знают. Вон, Наташку Петька так отдубасил на дискотеке, когда она Сидорову улыбку показала, что весь поселок сразу просёк, что любит Петька Наташку, да еще как сильно-то любит! А мой – хоть бы слово какое грубое сказал ради приличия, что ли. Для профилактики, так сказать. Нет, не любит он меня. Совсем не любит. Ну, пусть и катится себе на все четыре стороны.

Вот если бы любил, так денно и нощно бы на меня смотрел, и глаз бы не сводил. А этот, скажи какой – правильный! В десять вечера уже домой торопится, меня провожает. Как будто я в гостье ему.

Вот как мне, бедной, жить теперь на белом свете с моей неразделенной любовью?! Так ведь и останусь в девках ходить. Ой, ужас-то какой! А ведь мне уже целых 16 лет! Так ведь и старой девой недолго остаться. Нет, не любит меня Никитка, ни капельки не любит. И нисколько обо мне не заботится. О моем будущем совсем не думает. Вот если бы думал и любил, то домашние задания и контрольные бы давал списывать в школе. Сам-то умный, а о моем аттестате совсем не заботится. Так ведь и запороть его

недолго. Знай только и твердит, как зубрила какой одно: «Если тебе что-то непонятно, давай после уроков позанимаемся, я тебе помогу и объясню все, что хочешь». Ну, кто так помогает?! Вон, Иринке Андрюха помогает – так помогает: все домашки за нее решает, а она – знай только списывает готовенькое. Вот это любовь так любовь, я понимаю!

Между делом по ходу причитания и изливания души Мурзику, был оторван последний лепесток от розы. «Любит – не любит, любит, не любит, любит...»

– Ой! – заорала во все горло радостная Маришка, – Любит!!! Любит!!!

– Ну, вот ведь какой! – вдруг вовремя опомнилась она. – Так ведь и до сердечного приступа недолго довести. Сердце во мне аж прямо перевернулось. И дыхание в зобу сперло. От зависти. Ой, вернее, от радости. Вот нет, чтобы постепенно как-то в любви признаться, подготовить почву, так сказать, чтобы все как у людей было. Как, например, у Танюхи с Колей. Он за ней так долго ухаживал, что она уж и состариться успела, его дожидаясь. Но зато у нее и приступа сердечного от неожиданности не было. Он у нее от другого наступил – когда годы ухаживания посчитали. Столько не живут, не то чтобы дружат. Нет, все у этого Никитки не по-людски как-то.

Ну да ладно. Зато ведь любит! Вот и розы даже такие подсунил – любовные. Значит, не такая уж моя любовь и неразделенная. Ну, все, бегу к нему. Поставлю его перед фактом, что я все о его чувствах знаю. Ну, во всем этим мужчинам подсказывать и помогать надо! Но ничего, я его научу в любви признаваться. И теперь уж точно никуда не отпущу. Даже, если и списывать не будет давать. Лишь бы помириться.

Маришка убежала. А на полу так и остались лежать брошенные лепестки роз. И лишь один Мурзик знал, что за разговорами его хозяйка и не заметила, что при слове «любит» она сорвала не один лепесток, а два. Но умудренный жизнью кот точно решил, что не раскроет этой страшной для его хозяйки тайны, так как он сам соскучился по Никите и хотел увидеть его в гостях. А потому, чтобы замести следы ошибки, он поторопился раскрошить лепестки и разбросать их по всей квартире.

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary
- в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

Людмила Салагалева

ВЕСАМЕ МУСНО

Непридуманная история

Начало девяностых в провинции – мрак. В полном смысле. Электроэнергия подавалась изредка. Батареи еле теплились. Зарплату не платили. В магазинах с пустыми прилавками после шести не протолкнуться. Обеспокоенная толпа с флажками продуктовых талонов в руках ждала подвоза вожделенной еды, среди которой брусочек масла и куриная нога вызывали нешуточные страсти. Некоторых сильно побивали. Женщины регулярно падали в обморок от духоты. Особенно беременные.

В подъездах ночевали обколотые несчастные, только что поспевшие строить коммунизм на планете. Они опоздали. Произволом таких же, как эти, раздолбаев, но на ином уровне, строительство коммунизма отменялось, а другое строительство ещё не начиналось. ГКЧПисты, свалившие колосса, поставили руль управления в положение “СТОП” и засев за стол с обильной выпивкой, базарили, что делать с огромной дымящейся Империей.

Но худо-бедно под шумок деловые люди уже подсуетились и построили в провинциальном городке ресторан “Сеул” в корейском, как следует из названия, стиле, на деньги инвестора из Южной Кореи. Трехэтажный краснокирпичный, ладненький, красовался он на городской улице чужеродной заморской игрушкой. Горожане фотографировали его и слали фото родственникам.

Близилось открытие. Мне предстояло сделать об этом событии телевизионный репортаж. Мы назначили встречу с гостем из Кореи. Готовясь вести бизнес в России, он выучил русский язык и выбрал имя Александр, его короткий вариант – Саша.

Знакомились у меня дома. Все знают, первое впечатление – самое верное. Сколько раз убеждалась в этом! Вошёл полноватый мужчина лет пятидесяти. Лицо и взгляд говорили о незаурядном уме и большом грузе жизненного опыта. Тяжелая вертикальная складка непомерной усталости в межбровье перекрывалась улыбкой. Будь она у женщины, её бы назвали обворожительной. У Саши была неотразимая улыбка. Вернее, её хотелось тут же отразить.

Мы сразу понравились друг другу, и разговор точно сорвался с цепи. Он касался открытия ресторана и приготовлений к нему. И много чего другого. Саша, покручивая мою чайную селадонную чашечку, сказал, что сам привез столовую посуду для ресторана, изготовленную на его фабрике. Я зацепилась за интересный факт – и открылась шкатулка чудес.

Мой собеседник преобразился – на глазах помолодел. Он стал рассказывать, как из глины, из небытия, возникают хрупкие, похожие на цветы чашечки и блюдца. Как комочки земного праха обретают жизнь в руках мастера и фантазёра.

Легчайшими линиями острозаточенного карандаша намечал таинственный образ зарождающегося шедевра. Его руки обрели небывалую пластичность. Они порхали, нежно обнимали воздух, оглаживали его, рисуя очертания сосудов, придающих форму пустому пространству.

Его изделия, растиражированные на фабрике, уже давно радовали множество людей в разных странах. То, что в быту называется посудой, служит нам, оказывается, существует в двух ипостасях. Эти гнезда для еды, исполненные мастерами, можно назвать произведениями. Он был их творцом.

Передо мной сидел художник и потомственный владелец известной фарфоровой фабрики. Доходы его, не такие уж и великие, отличались стабильностью. Упоминание о маме-враче, судя по оживленному лицу и заблестевшим глазам, было особенно дорого моему гостю. Но что его привело в страну, переживающую сумеречный период истории – вот что меня интересовало.

С обезоруживающей откровенностью он поведал о своей склонности к авантюризму. Его интересовала Россия, её сегодняшние изменения. Он видел перспективу и хотел, чтобы един-

ственный сын осуществил его мечту – создал бизнес и оставил родовое имя в ее летописи.

В день открытия “Сеул” сиял, зал был убран в соответствии с лучшими традициями ресторанного искусства. Белоснежная посуда в соседстве с прозрачайшими бокалами создавала особый, можно сказать, аристократический изыск.

Публика собралась пёстрая. Управляющий банка сидел рядом с будущим депутатом городской думы, а нынче пока мелким мошенником, набивающим карманы “зеленью” – поборами со старух-торговок на городском рынке. В белых пиджаках прохаживались хозяева жизни – местечковые бандиты, уже размордевшие и имеющие счета в соседней Корее.

Особой кучкой держались представители новой власти, уверенные и строгие. Молодые женщины в смелых нарядах, неизвестные в деловых кругах, роем пёстрых бабочек кружили по залу, то обозначая принадлежность кавалеру лёгкими интимными касаниями, то собираясь у круглых столов с аперитивами и щербача. Оркестр негромко и душевно исполнял дивертисмент из популярных песен ушедших лет.

Перерезание ленточки и последующие застольные поздравления заняли не слишком много времени. Публика, разогретая напитками и музыкой, жаждала большего. Наконец, полилось рекой шампанское, перемены блюд следовали одна за другой. Но и это скоро наскучило. Устроители пригласили танцевать. Пошли все.

Музыканты усилили звук. Веселье нарастало. Грузноватый, потный, но легкий в танце банкир вышел из круга и быстро переговорил с оркестрантами, подкрепив просьбу пачкой денег. Через несколько минут дирижёр произнес поздравление: «С Днем рождения присутствующей Жанне», – и объявил песню: «Стюардесса по имени Жанна».

Танцующие освободили место в центре, и банкир галантно пригласил белокурую подругу на танец. Красивая, с прекрасной фигурой, подчёркнутой кроем платья, молодая женщина, раскрасневшаяся и чуть смущенная, вышла в круг. Солист запел, и вся толпа пришла в движение. В какой-то момент к банкиру, лавируя между танцующими, пробрался молодой человек и передал ему шелковый мешочек.

Музыканты набирали темп, усилили громкость. В разгар веселья банкир, как фокусник, отбросил мешочек. Оказавшийся в его руках длинный меховой шарф из чёрно-бурой лисы, он ловким манером надел на шею блондинки Жанны. Все захлопали и закричали: «Жанна! Жанна!» Музыканты снова грянули “Жанну”. Банкир летал по залу. Ноги еще слушались его, но лицо искажала гримаса отупения.

Слегка притормозив, он вытащил из кармана пачку купюр и подбросил их веером над головой подруги. Зеленые банкноты дождём закружились над танцующими. Женщины побросали кавалеров и собирали “манну небесную”, мужчины не отставали. Несколько пар демонстративно танцевали, наступая на деньги.

Музыканты по новой заиграли “Стюардессу”, банкир без устали кружил зарозовевшую подругу в развевающемся шарфе. Наконец, вся “зелень” была собрана. Взмокшая от азарта и бешеного ритма публика дружно направилась к освежённым и убраным столам. Некоторое время ели и пили под негромкое воркование певца.

Пока публика танцевала, телеоператор и режиссёр снимали, Саша рассказывал мне о последней поездке в Англию, где посетил завод, производящий посуду для двора королевы. Его семнадцатилетний сын в течение всего вечера очень внимательно наблюдал за происходящим.

В этот раз на Сашином лице я заметила налёт грусти, она пробегала, как порой солнце закрывают пролетающие облака. Пользуясь своим правом задавать неудобные вопросы, я поинтересо-

валась, вполне ли он доверяет своим здешним компаньонам. Нет, ответил он, в бизнесе нельзя полагаться "вполне". Но он верит в свою счастливую звезду. Она до сих пор была к нему благосклонна.

Он попросил внимания. В зале стало тихо. Раздавались лишь редкие междометия перебравших блондинок. Саша поблагодарил всех за участие в празднике. Задумчиво и мягко признался в том, что любит пение и даже брал уроки, и сейчас хотел бы исполнить свою любимую песню, если почтенная публика не против. Он сказал:

"Я спою вам "Бесамэ мучо."

Все громко зааплодировали, музыканты проиграли вступление, и Саша запел. Некоторое время он чуть-чуть отставал от оркестра, но его красивый бархатистый тембр и сильное полное звучание были настолько неожиданными здесь, что никто, пожалуй, и не заметил.

Он пел самозабвенно, увлекая голосом в таинственные глубины, где живёт любовь и надежда. Где сладкая мука невстречи, взрывается болью. Он пел, как если бы сейчас умолял судьбу у всех на виду подарить ему одно только мгновение для последнего свидания.

Мне казалось, я вижу Её – улыбающуюся, парящую в воздухе. Казалось, он тоже видит Её. Она – это была его Жизнь.

Невыразимой красоты мечта, таившаяся в сердце романтика, выплескивалась на пьяненькую публику наподобие волшебной мелодии крысолова. То один, то другой слушатель, смешно сморщившись, промокали глаза. Банкир плакал не стесняясь.

Саша пел, прикрыв веки, казалось, для одного себя. Мне было боязно, что он закончит песню и умрёт. Я тоже тихонько рыдала. Уж мне-то некого было стесняться. Если бы сдерживала слезы, то, может, лишилась бы сознания.

Саша владел собой, но голос его нёс огромную печаль. Болеро закончилось. Образовалась тишина. Странно, что она продержалась долго. Потом все начали громко кричать: «Бис!» Сын подошел к Саше и, немного придерживая под локоть, привел к столу.

Собственно, на этом праздник закончился, мы сердечно и крепко обнялись, договорившись встретиться завтра.

У него не случилось завтра. Ночью Саша умер в гостинице от сердечного приступа. Таково было медицинское заключение.

По другим сведениям в эту ночь российские компаньоны поставили его перед фактом отчуждения бизнеса.

Моё писательское, творческое имя – Лана Аллина. Мое настоящее имя Светлана Князева. Писатель, лектор, аналитик, автор ряда публицистических статей в журналах научного и научно-популярного профиля. Много лет работаю доцентом крупнейшего московского вуза – РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет). Член Российского союза писателей, кандидат в члены Интернационального союза писателей. Номинирована на соискание литературных премий «Писатель года – 2014-2016», «Наследие – 2015-2016», «имени Сергея Есенина «Русь моя 2016». Автор романов «Воронка бесконечности» (Москва, 2013) и «Вихреворот сновидений» (вышел в издательстве "Skleněný místek" в феврале 2016 г.)

Отрывок из романа "Вихреворот сновидений".

...А утро сегодня снова проснулось не в духе.

Правда, утром то, что наступило, едва ли назовешь... Оно не могло расклеить заплывшие, заспанные глаза, зевало прямо в лицо, не прикрывая рта, недовольно потягивалось. Наконец, не очень решительно отбросило одеяло, спустило ноги... и, конечно, не могло найти туфли, потому что сегодня снова встало не с той ноги, а найдя их, перепутало – не на ту ногу надело.

Хмурое, долго бродило оно по квартире, шаркая шлепанцами, недовольно косясь на Нику и бормоча себе под нос что-то невразумительное.

А за окном, держась за поясницу (ломило спину!), кряхтя от боли, вышивал на пальцах доходяга-дождь рисунок блеклый крестиком косым. Седой, взъерошенный, он заводил в десятый раз одну и ту же скучную пластинку.

Картина грязно-серая, скучная – городской пейзаж.

Отнюдь не пастораль.

Это так называемое утро скривило ей мерзкую рожу, состроило гримасу, громко чихнуло, несколько раз кашлянуло, смачно высморкалось. Спотыкаясь на каждом шагу, утро побрело умыться и пить кофе.

Нерадостное (а когда оно радуется? Она что-то не припомнала!), полное пессимизма, к тому же простуженное утро недовольно бурчало под душем, пару раз громкогласно чихнуло и долго сморкалось.

Да уж... Веселенькая у нее компания...

Потом взгляд случайно упал на стоящие на серванте часы – она так и подскочила. Через полчаса нужно во что бы то ни стало вылететь из дома.

Не было для нее ничего хуже выхода из дома. Это стало сущим мучением – совершенно непонятно, почему.

Вроде бы и встала более или менее вовремя, и совсем уже приготовилась к *взлету*, ... но по неведомой причине каждый раз на-

ходило десятка полтора дел за час-полтора до выхода из дома. А потом, в последнюю минуту обязательно лопался ремешок на сумке или терялся шарфик, или же вдруг возникало крохотное, одной ей заметное, но пакостное пятнышко на брюках. А еще могла запросто случиться – и, конечно же, вот она, тут как тут! – каверзная зацепка на колготках, а то внезапно она обнаруживала малюю-юсенькую, только ей одной заметную дырочку на джемпере... И конечно же, приходилось срочно искать, во что переодеться, и искать другую сумку, и, в злобе выворачивая содержимое разрушенной сумки, совать кошелек, косметичку, ручки, флакончик духов, документы, мобильник... Что-то еще? Ой, вот и это еще забыла!

Какая же она несобранная, безалаберная, каждый раз ругала она себя, вылетая, как на помеле, из квартиры на десять-пятнадцать минут позднее положенного срока, а что мешало сегодня – ну хоть на этот раз! – выйти вовремя?

Утро мерзко хлюпало под ногами дождем – или снегом? – ноги вмиг стали мокрыми. И ни разу не улыбнулось ей это утро... Интересно, оно что, вовсе не умеет улыбаться? А дождь со снегом поливал из последних сил – никакой зонтик не поможет.

Ох, как надоела эта невеселая парочка – утро под руку с дождем!

Ну что это за зима? Морозящий с самого утра голодный дождь сожрал нападавший с вечера пушистый снег. Свинцово-серое небо еще больше нахмурилось, сцепило кустистые брови, сжало обескровленные губы, и слезы лились ручьем из его глаз. Только еще потяжелело оно, легло на землю, придавило всей тяжестью своего необъятного пуза идущих по улицам людей. Безнадежное небо. Какой-то неблагонадежный, несчастный, нездоровый, – сиротский был у него вид.

Угловатый, неустойчивый у него почерк. Дождь оставлял изломанную неразборчивую подпись на асфальте.

И настроение почти на нуле, на два-три выхлопа, но до работы доехать, пожалуй, хватит.

Одним весенним днём в небольшой книжной лавке, расположенной неподалёку от центра города, собрались почитатели творчества писательницы Амалии Ф. Они пришли на презентацию её новой книги. К началу мероприятия помещение было забито до отказа. Госпожа Ф., худенькая пожилая дама с короткими седыми волосами, сидела за письменным столом и тоненьким голосом неторопливо рассказывала о книге:

– Идею этого произведения я вынашивала много лет. Отдельные моменты появлялись в других моих рассказах. Теперь я собрала все кусочки воедино и могу поделиться с вами удивительной историей, которая произошла со мной давным-давно. А началась она здесь, в моём родном городе.

Гости мероприятия затихли и приготовились слушать.

Часть 1

I

Зима 19.. года выдалась на редкость тёплой. Жители маленького города ходили в лёгких куртках и плащах. Приятно было пройтись по старинным узким улочкам, не спасаясь от холодного ветра. Но вскоре погода стала портиться; сначала прошёл дождь, а на следующий день ударил мороз, из-за чего все дороги покрылись льдом.

Шестнадцатилетняя Амалия вышла на улицу. Это была тоненькая бледная девушка с пышной копной светлых волос; её серые глаза мечтательно смотрели на небо, на плывшие по нему облака. Родители Амалии исчезли несколько лет назад, сорвавшись с горного склона во время прогулки, и с тех пор она жила в приюте. Она не помнила почти ничего из своего детства. А ещё Амалия мечтала о дальних странах.

Амалия шла, думая о своём, и вдруг поскользнулась и упала.

– «Надеюсь, ничего не сломала». – Подумала она, полувлеза на дороге. Немного придя в себя, Амалия попыталась встать.

– Можем ли мы Вам помочь?

Перед ней стояли молодой человек и девушка в старинных костюмах; лица у обоих были выкрашены в белый цвет, на фоне которого ярко выделялись ярко-красные губы и подведённые глаза.

– О, всё в порядке, спасибо, – пробормотала Амалия и неуклюже поднялась.

– Действительно в порядке? Вы не ушиблись? – учтиво спросил юноша.

– Нет, ничего страшного. – Теперь Амалия смущённо и с интересом рассматривала своих собеседников.

– Надеюсь, мы Вас не напугали, – заметив это, дружелюбно сказала девушка. – Пусть Вас не удивляют наши наряды, ведь мы – странствующие актёры.

– Вы необычно выглядите, – сказала Амалия.

– И мы не одни такие, – рассмеялся юноша. – Разрешите пригласить Вас на сегодняшнее представление.

– О, благодарю вас!

На этом они расстались.

Вечером Амалия улучила момент и после общего ужина выскользнула из приюта в одном пальтишке, без шапки и шарфа, и отправилась на представление, которое проходило в шатре перед зданием городского театра.

Она была в восторге: как красиво танцевали пары, как весело шутили комические актёры, как лихо был закручен сюжет пьесы! Амалия радостно хлопала после каждого выступления и сияла от

счастья. Но прошло два часа, представление закончилось и, когда зрители стали расходиться, сказка растаяла. Амалия вздохнула и тоже направилась к выходу.

Кто-то её окликнул; это была актриса, с которой они встретились утром.

– Ещё раз благодарю за приглашение, – улыбулась Амалия. – Я прекрасно провела вечер!

– Рада это слышать! Но почему Вы так грустны?

– Потому что должна вернуться в приют, где я живу.

– Может, напоследок заглянете к нам за кулисы? – предложила актриса.

– О, с радостью, – согласилась Амалия.

Амалия познакомилась с актёрами, которые радушно встретили её; она с интересом осмотрела реквизиты театра. Особенно ей понравились прекрасные наряды.

В какой-то момент девушка подумала о том, как замечательно было бы остаться в странствующем театре. Сначала эта мысль показалась ей вполне приемлемой, а потом – безумной. И всё же Амалия решила спросить актёров, что они об этом думают.

– Ты действительно хочешь присоединиться к нам? Тогда нужно обратиться к хозяевам театра, – ответили они ей.

Хозяевами оказались добродушные старички, муж и жена; господин Ф. – высокий и сухощавый, с залысинами и длинными жидкими прядями седых волос; госпожа Ф., напротив, миниатюрная, с необычной короткой стрижкой. В юности они также выступали в театре, а потом основали свой; так как им нравилось путешествовать, они решили не останавливаться на одном месте, а колесить по всему миру. Сейчас хозяева театра и странствующие актёры держали путь в холодную южную страну, где ещё ни разу не бывали, по пути выступая в разных городах.

Познакомившись с Амалией и узнав, что она хотела бы путешествовать с ними, господин и госпожа Ф. сначала поинтересовались, не будет ли против её семья. Девушка сообщила, что она – сирота. Тогда хозяева театра уточнили, не будут ли против воспитатели приюта, и настояли на том, чтобы сообщить им о решении Амалии. Поэтому на следующий день они отправились в приют и побеседовали с воспитателями. Те дали девушке хорошие рекомендации, а супруги Ф. приняли её в свою семью и дали свою фамилию. И уже скоро Амалия Ф. уехала из города вместе со странствующим театром.

II

Во время путешествия каждые два-три дня труппа странствующего театра останавливалась в очередном городе или посёлке и давала там представление. Как правило, играли одни и те же пьесы, но иногда импровизировали на какую-либо тему.

Амалия занялась шитьём и починкой костюмов. Шить она научилась в приюте. Но там работы было мало. В театре же приходилось всё время поддерживать все наряды в надлежащем виде. Сначала девушка быстро уставала и не успевала всё выполнять. Пальцы её были исколоты иглой и постоянно болели, глаза слезились от напряжения.

Присоединяясь к театру, Амалия надеялась, что её жизнь наполнится предвкушением фееричных представлений, что она будет с нетерпением ждать новых выступлений. Но к началу вечерних шоу она настолько уставала, что мечтала только о сне.

Шли дни и недели. Амалия трудилась почти без выходных, как и представители её новой театральной семьи. Они как могли под-

держивали девушку, особенно старалась госпожа Ф.. Она говорила своим тонусяньским голоском:

– Не переживай, милая, в начале всегда бывает трудно. Со временем ты привыкнешь.

И действительно, по прошествии месяца Амалия заметила, что работа уже не так тяготит её. Иногда даже ей удавалось посмотреть какое-нибудь выступление. В такие вечера она радовалась тому, что пришла в театр, и наслаждалась спектаклями, отмечая также, как ладно сидят на актёрах сшитые ею костюмы.

Первые несколько месяцев девушка привыкала к новому ритму жизни, ближе знакомилась с труппой и училась шить всё лучше и лучше.

Тем временем путешествие продолжалось. Практически везде представления странствующего театра собирали множество зрителей. Репертуар был рассчитан как на взрослых людей, так и на самых маленьких; в него входили как хорошо знакомые произведения, так и небольшие пьесы, написанные господином Ф. и штатным драматургом, который когда-то тоже работал в театре, а потом покинул его и остался жить в одной тропической стране.

За ужином актёры рассказывали о своих поездках, об увиденных странах и новых знакомствах.

– Как-то раз мы приехали в страну водопадов, – сказала актриса, обычно играющая пастушек. – Едешь по дороге и то тут, то там видишь их. Захватывающее зрелище! Помните?

– Конечно, помним! – подхватили остальные.

– А голубые склоны! Помните голубые склоны?

– Голубые склоны? – переспросила Амалия.

– Они кажутся такими за счёт голубики, – объяснил актёр-комик. – Её там немислимое количество.

– А пляжи с чистейшим песком!

– А бескрайние поля за окном!

– Природа – это прекрасно. А какие красивые города мы повидали! С многолюдными площадями и уютными переулками.

– А теперь мы едем туда, где раньше не бывали, – сказала госпожа Ф..

– И уже скоро будем там, – добавил её супруг. – Подумать только: мы объездили весь свет, побывали и в мировых столицах, и в затерянных деревушках, видели густые леса, пустыни и цветочные поляны, побывали на роскошных праздниках, где гремели салюты и шампанское лилось рекой, слушали песни у костра, отбиваясь от комаров – чего мы только не повидали. И вот она – новая земля!

Амалия слушала его с открытым ртом – впрочем, как и все остальные. Мысленно она путешествовала по всем местам, которые ей описывали, и радовалась тому счастливому случаю, который свёл её со странствующими артистами. Тут ей пришёл в голову один простой вопрос, и она задала его всем сидящим:

– А что дальше?

– Наша цель – побывать во всех странах мира, увидеть людей и показать себя, – ответил господин Ф.. – А дальше – дальше театр прекратит своё существование, актёры разойдутся кто куда, а мы с супругой и с тобой поселимся в тихом домике. Вот так вот.

Однажды ночью Амалии приснился сон. Она шла по песку, а где-то вдали слышался шум прибоя. Проснувшись, она поняла, что слышит шум наяву – они приехали к морю.

Пенистые волны накатывали на берег, чтобы затем отступить. Дул лёгкий морской ветер. На причале стоял внушительных размеров паром. Фургон, в котором путешествовала труппа странствующего театра, разместили в среднем отсеке. Дрожа от волнения, Амалия поднялась на палубу вместе со своими приёмными родителями и всеми остальными. Она долго наблюдала за тем, как паром отходит от берега и направляется в открытое море.

продолжение следует

Продолжение. Начало в 34-м номере журнала

Поездка. Сам себе турист Пребывание

Долгосрочный "пляжно-ленивый" туризм для иностранцев из России, привыкших к "Египтам, Таиландам и Турциям" и к путёвкам в Европу, в стране отсутствует, а иные туртропы не рекламируются. Происходит так из-за элементарного отсутствия информации на российском туррынке, из-за неразвитого последние 20 лет туристического бизнеса между РФ и РТ.

Несомненно, совместный туризм пришёл в упадок и из-за разрушения большой империи СССР, и не последнюю роль сыграла Гражданская война в РТ в 90-е. Но время идёт, республика вышла из кризиса. Внутри страны опять на высоте горный пеший туризм, горнолыжный туризм, уникальный санаторный отдых, а крупные города, благодаря отелям, готовы принять любого гостя и обеспечить его комфортом.

О санаториях речь пойдёт отдельно.

У иностранца, приезжающего "дикарём", мало возможностей к свободному перемещению внутри страны. Правила же пребывания на территории Республики требуют регистрации гостя в течение 3х рабочих дней. Делать это за вас никто не будет в силу

причин выше, но помогут при обращении к администрации в санатории или в отеле. Рассчитывайте потерять минимум 3 дня.

На Памир и в уникальный памирский заповедник, недалеко от Хорога без дополнительного пропуска не попадёте. Пропуска выдают не только с целью ограничить ваши передвижения (что так актуально для россиянина с его повышенной жаждой адреналина), но и для вашей безопасности в этих районах – близко граница и высокая сейсмическая опасность.

Самый оптимальный вариант пребывания в Таджикистане это банальное приглашение. То есть сначала вы едете в конкретную местность, где вам помогают быстро сделать регистрацию на 3 месяца, и бросив чемодан, вы можете налегке пожить в 1 городе, другом, посетить интересные районы с культурными и историческими памятниками, подлечиться в санатории или покататься на лыжах в горах. При таком варианте вы экономите массу средств – как наличных, так и временных и моральных.

Собираем чемодан

Изучили, почитали, подготовились морально, наметили цели поездки, прикинули места посещений, все же собрались. Собираем чемодан.

Кто-то готовится за неделю-две, за месяц, постепенно собирая вещи, кто-то кидает что попало в последний день перед отъездом. Кто-то медленно, рассматривая каждую вещь и обдумывая ее бу-

дущее предназначение, аккуратно складывает, а кто-то берет "на что глаз ляжет". Кто-то задумывается о необходимости той или иной вещи в поездке, а кому-то совершенно все равно, что взять, лишь бы вещи нравились и привлекали внимание, например, своей модностью, ценой или именем кутюрье. Поскольку повествование ведется от лица женщины, чемодан мы собираем женский. Женщины ветрены, непредсказуемы, мобильны в интересах и пристрастиях в одежде и косметике. Одна берет только пляжные вещи, не думая о прогулках по городу или возможной поездке, например, в горы. Другая налегает на спортивный стиль, забывая, что все равно она – женщина, и женственность никуда не денется. Одна утрирует на косметике, особенно, странно это выглядит на пляжных курортах. Другая опрометчиво не берет ничего, надеясь, что солнце не будет столь жестоко, вода не столь холодна, а природа не столь агрессивна.

Изучив фактически повторяющуюся однотонную информацию о Таджикистане в интернете, и немногочисленные и скудные путеводители, выбираем модный последние два года в Европе стиль с элементами этнос и Востока. Отдаем предпочтение платьям, блузкам и не сильно узким брючкам зеленых, сине-голубых и нейтральных расцветок, в том числе с элементами вышеуказанных направлений. Отказываемся от откровенных декольте, узких и коротких юбок и шорт, от сарафанов и бюстье. От косметики, привычной нам в Европе, отказываемся – никаких ярких вызывающих красок – красок настроению добавит практически вечнозеленая природа страны. Оставляем косметические средства ухода за кожей, ведь неизвестно какая вода нас ждет и чем дышит горный и равнинный воздух.

Находится пара длинных в пол платьев, свободного покроя зеленого и голубого цвета с длинным рукавом, с красивым орнаментом по горловине и на рукавах, приобретенных в одной из поездок по Арабским Эмиратам. Орнаменты оригинальны и выполнены с дотошной точностью рукой мастера – индийца или бангладешца (в ОАЭ женщины, и местные и приезжие, не работают, все работы в городах выполняют мужчины, в том числе и в ателье). Дополнение к платьям, блузкам – несомненно большой индийский палантин из тонкого шерстяного материала, пара больших платков кружевного исполнения и шарфики, небольшие разноцветные с видами европейских городов.

Дымка

Маленькая горная страна, всего с 8-ми с небольшим миллионным населением, встречала неожиданно проглянувшим из облаков аэродромом.

Его окружали горы, из окошка салона кажущиеся огромными, и было удивительно – как тут помещается столько Боингов?

Едва шасси коснулись полосы, сквозь микрощели салона потянуло коптильным дымком. Стояло раннее утро, около 6 по московскому времени.

Аэропорт и надпись на фасаде, любезно приглашающая посетить город, видны отчетливо и заманчиво. А горы вдали миражи-

руют в загадочной дымке. Солнце припекает, небо чистое, сухое, летнее.

Самолет приближается к аэропорту. Неторопливо и нежно. Высадка занимает немного времени. Принимающий зал небольшой, работает 4 окошка паспортного контроля. Заполнив миграционную карту, получаем свою печать в паспорт и отправляемся за багажом. Содержимое чемоданов не проверяют, доверяя российской стороне.

На улице встречает несколько пугающая от избытка толпа говорливых людей, предлагающих такси. Мужчины невысокого роста, шуплые, одетые преимущественно в кожаные куртки, выкрикивают названия населённых пунктов или районов города. Очевидно, что все они частники, подрабатывающие извозом. Сколько стоит, интересно?

Появляется человек в форме, и направляется к нам. Мужчины обнимаются – сначала жмут друг другу руки, обхватывая ладонь обеими своими ладонями, потом обнимаются, касаясь головой головы. С женщиной здороваются на некотором расстоянии, прижимая правую руку к груди в области сердца и кланяясь. Улыбаются.

Закончив формальности, наша маленькая группа отправляется к небольшому автомобилю на стихийной парковке. Создается впечатление, что как таковой парковки нет, и машины расположены сумбурно и неудобно. Однако это лишь первое непривычное впечатление.

– А от чего такая дымка?

– Начался день. По домам готовят пищу. Топят углем.

Оставляем свои сомнения при себе – в городе чисто, сажи нигде не наблюдается, запах дыма приятный. Напомнило времена молодости, походы в горы и костры.

Транзитом проезжаем окраины города. На улицах небогато, на тротуарах то там, то тут встречаются выемки от непогоды, но чисто. Не валяется привычный европейцу бытовой мусор, нет и брошенных без системы плодов нашей европейской небрежности (бумажек, бутылок, пакетов из-под сока или молока, всевозможных фантиков, огрызков, нет и окурков).

На светофоре с электронным отсчётом минут наблюдаем, как молодой человек, таксист, аккуратно помогает женщине сесть в автомобиль, терпеливо дожидаясь пока все сумки будут погружены в багажник, а дети рассядутся в салоне.

Дымка усиливается к окраине. На пути попадает небольшая рынок, на котором уже кипит жизнь. Работает салон связи, аптека (ассортимент представлен широким выбором индийских и американских лекарств), обменный пункт (принимают любую валюту, с наибольшей охотой меняют российские рубли). Прямо на входе в рынок, на открытом воздухе торгуют только что приготовленными пирожками (самуса) с мясом барана и с картошкой. Нас это смущает. Но чистота и опрятность "точки" смешивает неприязнь.

Мы направляемся на юг в благодатные районы долины реки Вахш. Надеемся подкрепиться в дороге плодами труда сельских общин. Счастливого нам пути!

Продолжение следует

*Все соделал Он прекрасным в свое
время, и вложил мир в сердце их...
(Еккл. 3, 11)*

Вступление

*Мир – это Бога слеза,
Отторжения боль,
Мир – это Духа Лоза
И причастности соль,
Мир – это плен забытья
И сквозь сон
Духа прозренья: «Ведь я –
Это Он!»*

День первый: Грани Первосвета

*И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.
И увидел Бог свет, что он хорош,
и отделил Бог свет от тьмы.
(Быт. 1, 3-4)*

1. Предвечный Свет

Шум времен умолкает,
Когда нежной рукой
Бог наш дух погружает
В Первосвета покой.

Здесь к Отцу возвращенье,
Божьей Воли река,
Всех миров зарождение,
Смыслов их облака.

Здесь, в Божественном Бдении,
Нежным светом объят,
Видит дух, в озареньи,
Отчих Замыслов сад.

2. Свет несказанный

Есть в душе первозданный,
Из Источника лет,
Свет Любви несказанный,
Самый искренний Свет.

Из глубин он струится,
Из истоков Любви,
К ним зовет возвратиться,
Чтобы дух оживить.

Словно вешний подснежник,
Свет тот хрупок и мал,
Счастлив тот, кто прилежно
Его в сердце искал!..

День второй: Облака и глубокие воды

*И сказал Бог: да будет твердь посреди воды,
и да отделяет она воду от воды.
(Быт. 1, 6)*

1. Облака

Синь небесная, как море, глубока,
Там гуляют на просторе облака –
Кучерявые любимчики Земли,
Хороводятся в лазоревой дали...

Их беспечный танец, их прибой
Сердцу дарит радостный настрой
И рождает песенный напев,
Бесприютность чувств преодолев.

Чувств напевы множатся, как хор,
Рвутся вверх, на песенный простор,
Где ветров торжественный орган
Ввысь зовет, в Небесной Славы стан...

2. Глубокие воды

*Помыслы в сердце человека – глубокие воды...
(Притч. 20, 5)*

– Что таится под покровом,
Что сокрыто в глубине?
– Там всех чувств первооснова –
Устремлений мир – во мне!

Смыслы там имеют запах,
Смыслы там имеют вкус,
Там сокрыто в смыслогравах
Царство древних, донных муз,

Что из трав творят желанья
И страстей водоворот
Ради страстного познания
Нам дарованных щедрот...

3. Созерцание Любви

Вечно тайное стремленье
Вместе быть с Отцом Незримым,
Славно Духа Откровенья:
«Боже! Все Тобой любимо!»

День третий: Мольба о возрождении

*И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее,
и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его...
(Быт. 1, 12)*

О Боже, слышу голос Твой
Я в шуме листьев на ветру,
Мне в хоре их Свой Лик открой,
Тогда, воскреснув, не умру.

В их хор и песнь меня вживи,
Открой мне Сад Твоих щедрот,
И чтоб я мог служить Любви,
Отдай мне часть ее забот...

Прими в число рабов Твоих,
Моей души цветок возрасти
Так, чтобы смог сей робкий стих
Небесной Розой расцвести!

День четвертый: О славе Солнца и Луны

*И создал Бог два светила великие:
светило большее, для управления днем,
и светило меньшее, для управления ночью.
(Быт. 1, 16)*

1. Слава Солнца

Еще в безвидности ночной,
Пока не ставшие собой,
Сплетенья форм плывут и ждут,
Когда их к свету воззовут.

И вот зари святой призыв:
Завесу ночи приоткрыв,
Тьму прорезает первый луч,
Желанен, кроток, но могуч.

Уже горят любви огнем,
Обращены к заре лицом,
Кусты, деревья и дома,
Природы девственность сама
Встречает Солнца первый зов
И облакается в покров
Живящих солнечных лучей.
Как будто тысячи свечей
Кругом зажглись,
и птичий хор
Стремится к Небу, на Простор!..

2. Слава Луны

– Луна, она – царица сна!
– Да, высоко вознесена!
– Высокое ли снится,
И можно ль с ним сродниться?
И почему в Луне удел
Нам всем дается ночью?
– Чтоб зрели мы воочью:
Во тьме есть Свет, Его приняв,
И тем Луне подобным став,
Душою вознесешься,
От злого отвернешься...
Тем лунным зреньем умудрен,
Уймешь в себе желаний стон –
И вновь прославишь Бога!
– Да, славная дорога!

День пятый: Рыбы и птицы

*И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных
пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую
птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо.
(Быт. 1, 21)*

Бродят донных смыслов рыбы...
Смыслочувств подводный мир
Растворяет смысла глыбы,
Вовлекает в смыслопир.

Страсть глубинная к познанию –
Это в нас воспоминанье
Славы Божьих колесниц...
Столь же славна служба птиц:

Птицы замыслов кружатся,
Обозрев земную высь,
И к земле затем стремятся,
С неба дали – в смыслоблизь.

То, что Небо в стих сложило,
Прорастает песней здесь,
Чтоб цветенью форм служило
То, что в Божьем Свете есть!

День шестой: О царстве земном

*И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее,
скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.*

*И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию
сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.
(Быт. 1, 24-27)*

1. О земного знания змеях, о зверях желаний падших, о скотах земных привычек, о царе – о человеке

*И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку
одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.
Господь Бог образовал из земли всех животных полевых
и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы
видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек
всякую душу живую, так и было имя ей.
И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным
и всем зверям полевым; но для человека не нашлось
помощника, подобного ему.
(Быт. 2, 18-20)*

– Кто змеится меж растений,
Кто высматривает зорко?
– Змеи знания среди хотений –
Разума земного око.

– Кто там ходит меж деревьев?
– Звери там желаний падших,
Чье стремление утвердилось,
Русло тела получаю.

– Кто там замкнутой тропой
В круге жизни мерно ходит?
– Там скоты земных привычек
Колесо судьбы вращают.

– Кто над ними всеми властен?
– Тот, кто их в себе рождает,
Ими душу наполняет,
Кто божественен отчасти...

2. Благословение на жизнь в земном царстве

*И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и
размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...
(Быт. 1, 28)*

Стремится нашу жизнь гранит
Прервать, закончить, огранить...
Однако теплится душа
И просит об одном: дышать!

Дышать рассветом и дождем,
Сияньем звездным, летним днем,
Закатных сполохов игрой,
Прохладой девственно-ночной...

Дышать и верить: Божий Свет
Несет дыханье в бездну лет,
Миров, событий, форм и тел,
Дыханье – вот души удел!

Но как быть тем, кого удел
Среди застывших форм и тел? –
Самим воскреснуть, чтоб дышать
И к жизни души воскрешать!

В том Свет и Смысл дорог Любви,
Чтоб эти души оживить,
И в том же – юности залог...
Проси – и жизнь подарит Бог!

День седьмой: Единение в Любви

1. Сад Любви

*И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке,
и поместил там человека, которого создал.
(Быт. 2, 8)*

В этот сад несказанный,
В этот искренний Свет,
Беспредельно желанный,
Я вошел – и согрет

Был тончайшим касаньем
Переливов любви,
Бессловесным взываньем:
«Сердца дверь отвори!»

Пусть неясно запомнил
Я деревья, кусты,
Но я сердце заполнил
Нежным возгласом: «Ты!»

Ты как воздух струился
Меж деревьев, кустов,
И в Тебе я продлился,
Разрешен от оков.

Есть ли что-то прекрасней
Сей святой немоты?
В ней становится ясно:
Вечный сад – это Ты!

2. Возвращение в Вечность

*И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском,
чтобы возделывать его и хранить его.
(Быт 2, 15)*

– Птицы смыслов, возвращайтесь,
Что так быстро разлетелись?
Светом Божьим насыщайтесь
В сей последний день недели!

Радость Света – в Славе Божьей,
Той, что жаждет в нас продлиться,
Божий образ в нас умножить,
Нами в Вечность разветвится.

– Что за дерево средь рая
Хочет в Вечность разветвиться?
– Древо Жизни, нас вбирая,
Оживляет наши лица!

– Нам, скотам земных привычек,
– Нам, зверям желаний падших,
– Нам, земного знания змеям,
Что нам делать в день субботний?
– Вам, скотам земных привычек –
Центр познать круговращенья,
Вам, зверям желаний падших –
Свой исток познать глубокий,
Вам, земного знания змеям –
Спать, покоем соблазняя
Тех, кто далеки от рая...
Больше вам сказать не смею...

– Что в Субботе столь желанно,
Столь свежо и первозданно?

– День субботний – день покоя,
День святого возвращенья
В лоно Божье, обретенья
Всех, кто создан был с тобою –

Душ, с тобою сотворенных
В миг начального реченья,
Словом чистого Ученья
И Любовью покоренных...

– Да, мы, души, Бога знаем,
Мы всегда к Нему стремимся,
В день субботний в Нем продлимся,
В Нем покой мы обретаем...

– В этой близкой к Богу свите
Как вы в Боге не сгорите?

– Сможет каждая при этом
Пламенея, не сгорая,
Стать лучистым самоцветом,
Вечно Бога прославляя!..

Февраль 2016

Петр Николаевич Цыплаков публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: поэма «Сотворение мира», миниатюры «Единый и Единственный», «Осенний витраж», новеллы «Слово о сокрытом Свете», «Зов Премудрости Божией», «Жертвенность как основополагающий принцип бытия», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждущих», «Исцеление Любовью», «Полет», «Притча об Источнике и садоводах», стихотворения «Вечный сад», «Обретение себя», «Грани Первосвета», «Пробуждение», «Прозрение», «Искреннее», «Молитва», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Сострадание Христу», «К Закону и ко Христу», «Крещение огнем», «Законы грамматики», «Причастие».

Не знаю, как это происходило в других местах, но после приезда в Америку наши эмигранты некоторое время пребывали в состоянии эйфории. Длительность этого, как бы по-научному сказать, эйфорического синдрома разнилась очень сильно. Одним эйфории хватало на два дня, другим – на две недели. Кое-кто задерживался в этом состоянии два месяца. Некоторые продолжали пребывать в эйфории два года. Ну, а самые непреклонные оставались в эйфорическом синдроме следующие 20 лет. О крайностях, в виде двух дней и двадцати лет, мне писать не хочется, поскольку это больше похоже на "клинику" с сопутствующими прочими медицинскими показаниями. Все же прочее можно отнести к норме. Просто такое вот радостное состояние продолжается до тех пор, пока тебя жизнь по башке не стукнет.

Но так уж случилось, что моя жена Ирина задержалась в таком радужном эйфорическом состоянии на целый год. До тех пор пока ее не выгнали с работы, на которой как говорится "только жить да радоваться". Работа была чистая удобная, приятная. Коллектив был тоже что надо – дружный, сплоченный. И выгнали ее отсюда, что говорится, "ни за что". "Ни за что" – это абсолютно в прямом смысле, потому что за что бы она там ни бралась, у нее ничегошеньки не получалось. Ну, а что вы хотите? Работать компьютерщиком совсем нелегко, учитывая то, что в Советском Союзе такое вот "чудище" как компьютер она в глаза не видывала.

Так что пришлось ей слегка охладить свой пыл и начать думать о том, что она собственно как бы умеет делать. Делать она тоже ничего особенного не умела, но, тем не менее, был в загашнике совсем недавно полученный в Союзе диплом зубного врача и умение учиться на пятерки.

Так что вполне логично было начинать свою американскую карьеру где-то в зубной области. Так что, сдав какие-то простенькие экзамены про зубы, она получила диплом ассистента дантиста и начала подыскивать соответствующую работу. Работа нашлась относительно быстро в одной здоровенной по американским меркам зубной поликлинике.

Тут, наверное, какие-то продвинутые знатоки американской жизни попытаются подловить меня на вранье и скажут, что поликлиник в Америке не бывает, а бывают лишь дантисты-одиночки, оказывающие зубные услуги в своих частных кабинетах. На это я вам могу лишь ответить то, что в Америке все бывает, а также что в Америке и не такое бывает.

Просто жил да был на свете зубной доктор по фамилии Беркович. Пиллил, сверлил зубы, мастерил коронки. А потом ему пришла в голову нормальная капиталистическая идея. Пусть, мол, зубы пилит кто-нибудь другой, а он будет этот процесс пиления организовывать. Но это вот легко сказать, но трудно сделать. Нужно чтобы не получилось как у Остапа Бендера в его Черноморской конторе "Рога и копыта", когда накладные расходы съели все. Здесь нужны новые идеи. И вот идеи пришли.

Во-первых, по своему опыту доктор Беркович знал, что есть у дантиста масса работ, которые лишь отнимают время и с которыми может легко справиться ассистент. И вот появилась на свет такая вот организация производства. Один врач-дантист работает на два кресла, а ассистенты доделывают то, что не успел доделать доктор. Ну, а такие вот мелочи типа сопли, слюни, слезы утирать и сладким голосом уговаривать потерпеть – это для продвинутого ассистента и вовсе дело простецкое.

Вторая блестящая идея доктора Берковича состояла в том, чтобы платить докторам и ассистентам по минимуму. Ну, а третья

идея – это поставить над работниками парочку надзирателей, чтобы следили за тем, чтоб все работали споро, весело, с огоньком. Чтоб доктора бегали между креслами, точно спринтеры, ну, и ассистенты работали им под стать.

Ну, вот, собственно, это и были три слона, на спинах которых держалась зубная клиника доктора Берковича. Надзирателем над врачами, так сказать, "правая рука", был доктор по фамилии Кастанза, что, впрочем, Ирины никак не касалось. А вот "левая рука" доктора Берковича, молодая женщина по имени Сюзан, имела к Ирине самое прямое отношение.

Впрочем, не только к ней одной. Она была поставлена начальником вспомогательного персонала с задачей держать этот разношерстный народ в узде. Вот она и держала в соответствии со своими понятиями. Ирину она ежедневно доводила до слез своими придирками и нотациями. Впрочем, очевидно, не ее одну. Просто мужчины-ассистенты не плакали, а другие девочки-ассистентки к придиркам Сюзан уже привыкли. Ирина же привыкнуть к такому хамскому обращению никак не могла, и потому все, что она могла сделать, это лишь утирать слезы и мечтать, точно какой-нибудь маленький мальчик, которого постоянно обижает главный хулиган его подъезда – "Вот вырасту, стану сильным, встречу этого хулигана, ухвачу за шиворот и ...". Но дальше в голову ничего не шло, потому что Ирина уже давно выросла, и кроме того в Америке начальников бить не полагается.

Ну, вот такие вот непростые отношения с начальством. С коллегами же, наоборот, все было распрекрасно. Коллектив ассистентов подобрался интернациональный, на редкость живой, доброжелательный, интересный и необычный. Из интересных – это еще парочка русских. Девушка Марина и мальчик Вадим. Впрочем, где только в Сан-Франциско русских не встретишь. А из необычных – это бывшие доктора и дантисты, занесенные странным ветром в клинику доктора Берковича. Работал там в качестве ассистента бывший патологоанатом, лишенный своего диплома-лицензии. Чем и как мог провиниться врач, вскрывающий трупы, остается загадкой. Работали там ассистентами муж и жена из Индонезии. Тоже бывшие дантисты и христиане по религиозной принадлежности. Их офис – зубной кабинет сожгли во время очередного мусульманского бунта. Живыми хоть слава богу оставили. Не понарилось, видите ли, правоверным мусульманам, что женщина командует – рот открыть, рот закрыть. Еще там были дантисты из Англии и Южной Америки, решившие перебраться в Соединенные Штаты, и потому начинающие все с чистого листа. Ну, и естественно, обитали там обыкновенные девушки без претензий, получившие в местном колледже диплом ассистента дантиста и работающие просто по специальности. Ну, собственно, такой вот коллектив, в котором бы работать было весело и приятно, если бы не две вещи – паршивка Сюзан и зарплата, которая едва-едва превышала абсолютный минимум 5 долларов в час, установленный законодательством Калифорнии.

Но ничего не поделаешь. Что есть, то есть. Пользуйтесь. Так что все потихоньку превратилось в привычную рутину. Утром на работу, вечером с работы. Раз в две недели – чек, зарплата. И продолжалась эта вот идиллия примерно с полгода, пока однажды не подошла к Ирине одна коллега ассистентка и не шепнула на ушко, что сегодня после работы состоится профсоюзное собрание.

То, что сегодня состоится профсоюзное собрание, Ирину абсолютно не удивило. Мы, граждане, прибывшие из Советского Союза, к этому абсолютно привычны. Себе она так представляла,

что после работы поставят где-нибудь стол, покрытый зеленым сукном. В президиум выберут доктора Берковича. Рядом с ним, по правую руку сядет доктор Кастанза, по левую руку усядется Сюзан. Ну, а потом будут распределять профсоюзные путевки на отдых в Мексику, ну, и видимо, корить тех, кто в профсоюз до сих пор не вступил или уклоняется от членских взносов.

Потом смена кончилась. Народ повалил к выходу. Ирина последовала за всеми, после чего все та же коллега ассистентка шепнула ей на ухо, что следует идти в дальний конец паркинга. Ирина слегка подвинулась тому, что профсоюзные собрания проводятся на свежем воздухе, но отнесла это на счет каких-то дурных американских традиций.

Нестройная толпа работников ассистентов приблизилась к указанному углу, где их уже поджидал какой-то дядечка со значком местного отделения профсоюза. Дальше, после краткого знакомства и обмена комплиментами, он перешел к делу. Во-первых, он посетовал на капитализм вообще и доктора Берковича в частности. После чего он привел статистику, заключающуюся в том, что в офисе доктора Берковича ассистенты получают исключительно маленькую зарплату. По цифрам выходило, что зарплата ассистентов, то есть людей, на ком, по сути, держится весь бизнес доктора Берковича, в полтора раза меньше чем в среднем по Америке. Слова эти, естественно, были встречены гулом возмущения. После этого ободренный профсоюзный лидер предложил бороться за свои права. Слова эти естественно были поддержаны одобрительным гулом толпы. Ну, а как бороться? Единственный проверенный способ – забастовка. Strike по-американски, что в переводе означает удар. Тут, правда, профсоюзный лидер умерил пыл толпы, сообщив, что настоящую забастовку-удар проводить мы не имеем права, поскольку у медицинских работников по закону все несколько сложнее, чем просто так уйти с рабочего места. Но какой-нибудь небольшой удар-strike, эдакую увесистую пощечину доктору Берковичу мы нанести просто обязаны. Увесистая пощечина, как уверял профсоюзный товарищ, очень действенна и всегда приводит к положительным результатам в виде повышения зарплаты на 20%. Народ естественно тут же воодушевился и попросил рассказать о такой вот мягкой забастовке поподробнее. Профсоюзный товарищ, не скупясь на краски, рассказал, что они делают это довольно часто. В определенный день все работники какого-нибудь офиса надевают значки на которых написано "Мистер Такой-То, повысь нам зарплату!" Мистеру Такому-То становится очень стыдно, и на следующий день все получают так называемый "Рэйз" – повышение.

План выглядел изумительно и очень привлекательно, особенно учитывая то, что профсоюзный товарищ пообещал взять производство значков на себя и через недельку раздать их прямо перед работой.

Сразу же после собрания трое русских остались обсуждать будущую забастовку. По поводу идеи со значками Вадим сказал: "Наверное. Как все", – но очень неуверенным тоном. Мудрая девушка Марина сразу же сообщила, что она в эти игры не играет, что у нее очень строгий муж и случись что, он ее непременно убьет. А также, что они недавно купили дом. Все мужнее жалованье уходит на выплаты, а жить им с двумя детьми приходится на ее, пусть нищенскую, но зарплату.

Дома мне Ирина, задыхаясь от волнения, рассказала всю эту вот профсоюзную историю. Я был в неких смешанных чувствах. С одной стороны очень хотелось увидеть 20-процентный "рэйз". С той же хорошей стороны я был осведомлен об успешных забастовках. Кроме того, перед глазами стояла какая-то старая советская кинокартина про коммуниста. А именно эпизод, когда ему на шею накидывают петлю, а он кричит "Всех не перевешаете!". Так что я был уверен, что всех не уволят.

С другой же – неприятной – стороны, по картине, того коммуниста таки повесили, и счастье жить в дружной семье советских народов досталось другим. Так что я больше склонялся к тому, чтобы послушать мудрую девушку Марину и в эти игры не играть. На что я получил гневную отповедь и обвинения в трусости. Так что осталось лишь плыть по течению, дожидаться того самого дня и думать "будь что будет".

Профсоюзный лидер не подвел. В назначенный день ровно за 15 минут до начала работы он стоял с россыпью значков недалеко от входа. Проходящие мимо ассистенты бойко разбирали значки и прикалывали их на самые видные места. Мудрая девушка Марина значок не взяла и прошла в офис. Русский мальчик Вадим значок взял, но положил его в карман. Потом, поколебавшись, увидев, как боевые товарищи цепляют значки, тоже пришил себе значок. Ирина же, ни на секунду не сомневаясь, приколотла значок на грудь, про себя отметив, что ее лучшая подруга оказалась попросту "штрэйкбрейкершей", а друг и товарищ Вадим – колеблющимся оппортунистом.

Поначалу никто на значки внимания не обратил. Мало ли что кто носит? Потом больные, которым все равно положено сидеть с открытым ртом и безнадежно плянуть на пышные или не очень груди ассистенток, значки эти начали замечать. После чего начали издавать одобрительное мычание и показывать одобрительные жесты в виде кулака с поднятым большим пальцем. Тут наконец и Сюзан обратила внимание на необычную обстановку в клинике. Обычно стоит тут нормальная рабочая атмосфера, выражающаяся в охах, столах и криках на фоне жужжащих бормашин. А тут эдакое, если не сказать веселье, то по крайней мере ненормальное оживление. Дальше она, наконец, заметила источник неприятностей в виде значков и попыталась решить этот вопрос самостоятельно. Сюзан подсказывала к очередному ассистенту и шипела – "Снять значок, немедленно!" Ассистенты делали вид, что очень заняты и ее не слышат. Сообразив, что так ничего не добьешься, Сюзан побежала докладывать о неприятностях доктору Берковичу. После пятнадцатиминутного совещания план, видимо, созрел. Довольная Сюзан вальяжно подходила к очередному зубодробительному креслу, вручала больному салфетку. Сам, мол, подотрещись, не маленький. Дальше Сюзан брала ассистента под локоток и вела в офис доктора Берковича. Еще через несколько минут оттуда выходил очередной товарищ уже без значка, уставившись в пол, чтобы не смотреть в глаза окружающих и возвращался к своему креслу. Наконец дошла очередь и до моей жены. Сюзан уже привычно проводила Ирину в офис доктора Берковича. Детали разговора не очень важны, поскольку было сказано следующее: «Или-или. Снимай значок и отправляйся к "станку", либо вали с работы». Снимать значок Ирина отказалась, помня наставления профсоюзного лидера "один за всех, все за одного". Поэтому через минуту она поняла, что здесь не блефуют. Сюзан все также "под локоток" отвела ее к шкафчику, дала на сборы 15 секунд, после чего выставила за дверь поликлиники. Ну, что делать? Ирина отошла от двери и стала ждать, что же произойдет дальше. Дальше из дверей появились еще две девушки-ассистентки. И все. И это из персонала в 24 человека. Лозунг "один за всех, все за одного" тут явно не работал. Так и остались они стоять у дверей офиса, понимая, что переиграть обратно уже нельзя.

Ну, вы, читатель, наверняка догадались, кто они – эти смелые, несгибаемые девушки? На всякий случай, я вам поясню.

Вьетнамка по имени Лин. Дело в том, что когда вьетнамцы сбегают со своей социалистической родины на хлипких лодочках джонках, то вьетнамские пограничники обычно палят по ним из автоматов. Так сказать, прощальный салют.

Вторая смелая девушка – мексиканка по имени Бланка. Мексиканцам тоже тяжело приходится. Переходят нелегально границу, потом пересекают пустыню в сопровождении проводников, именуемых "койотами". Койоты – это таки вот мерзкие животные из семейства шакалов. Так что, кто эти проводники, и каково приходится мексиканцам, вы можете представить. Доведет ли шакал до цивилизованного места, бросит ли в пустыне? Или того хуже – ограбит и изнасилует. Так что разборки с доктором Берковичем – это мелочи по сравнению с тем, что этим девушкам пришлось пережить.

Ну, а моя жена. Смелость у нее в крови. Мы же русские. Герои по определению. У нас Сталинград за плечами.

Ну, так постояла группа смельчаков у порога и отправилась восвояси. Дома у нас был скандал. Но не очень большой. Убивать жену я не стал, потому как я не такой "крутой", как муж мудрой девушки Марины. И еще как раз в это время приехали родители

жены из Советского Союза, проживали у нас и находились в состоянии эйфории. А из эйфории, как известно, вывести быстро нельзя, потому что можно также быстро залететь в депрессию, из которой выбраться будет очень трудно. Тем не менее, я приказал "выкручиваться, как можешь". Впрочем, и без моих приказов это было ясно.

Так что на следующий день с утра Ирина поехала "выкручиваться" в отделение профсоюза, подбившему их на столь неудачную забастовку.

Профсоюз нашла по адресу визитной карточки. Толкнула дверь, вошла внутрь. Обстановка Ирине сразу понравилась. Деловая и боевая. Народ бегаёт, суетится. Рисуют транспаранты, выносят флаги. А на столах разбросаны знакомые ей значки, только с другой фамилией. Видно, что готовится очередная акция протеста.

Нашла Ирина того самого профсоюзника. Встретил он ее радушно и тут же по американской привычке спросил – "чем могу помочь?"

"Неприятности у меня!" – сообщает Ирина трагическим голосом, – "С работы выгнали".

Профсоюзник же, услышав это, наоборот обрадовался. Всплеснул руками и говорит – "Вот и отлично. Теперь мы их будем судить!"

Ирина, увидев такую реакцию, тоже оживилась и спрашивает: "А когда судить-то будете, и когда следует ждать результатов?"

Профсоюзник тут слегка погрузстнел и отвечает: "Ну, дело это нескорое, пока дело до суда дойдет, да пока решение примут... Ну, может год, ну, может два. А может быть и пять".

Ирина, как услышала это, сразу в слезы: "Как же так? Я из-за вас пострадала. Вы обязаны же мне чем-то помочь".

Профсоюзник удивился и говорит: "Почему это из-за нас? Вы же сами решали бастовать или нет? И вообще, у нас в Америке каждый сам за себя. Вы что, этого не знали?"

Ирина, естественно, отвечает: "Раньше вот не знала, а теперь знаю!"

Но тут профсоюзник все-таки сжалился, может чуть-чуть промялся и говорит: "Хорошо, попытаюсь помочь вам. Есть у меня два адресочка с телефончиками. Там как раз ищут ассистента дантиста. Ребята там работают из наших бывших. Звоните. Скажете что от меня. Помогут".

Уже кое-что. Пришла Ирина домой. Тут же позвонила. Назначила интервью. Одно на завтра, одно на послезавтра. Что-нибудь да клюнет.

Первое место перспективной работы оказалось, правда, в Окленде. Для тех кто в географии и прочем Америки не силен, я могу пояснить, что Окленд – это такой городишко, расположенный рядышком с нашим городом, прямо через пролив и соединенный с Сан-Франциско мостом "Bay Bridge". 20 минут езды на метро. Впрочем, это единственная приятная вещь. Все остальное – вещи неприятные и заключаются они в том, что этот небольшой городишко постоянно оказывается в тройке призеров по Америке по числу убийств. Впрочем, на семейном совете этот невинный факт все постарались скрасить надеждой, что и в городе Окленде есть очень хорошие места, где проживают миллионеры. Так что на следующее утро Ирина отправилась в Окленд на интервью.

Место, правда, оказалось не очень хорошим. А если уж говорить всю правду, то очень нехорошим. По сторонам улицы громоздились проджекты [субсидированное жилье для малоимущих]. На ступеньках домиков сидели наши черные братья. Афро-американцы, как корректно называет их пресса. Некоторые из них были в майках, демонстрируя свою мускулатуру и татуировки. Иные были одеты в толстые надутые куртки. Такая вот "униформа" была в моде среди черных юнцов. Вроде как тихо-спокойно, но почему-то боязно.

Нашла офис. Поговорила с дантистом. Ну, работа как работа. Привычная. Даже попроще, чем у доктора Берковича. Но вот окружение... Нэйборхуд – добрососедство в переводе – слегка озадачило. На всякий случай Ирина спросила насчет безопасности.

"Да вроде ничего", – пояснил доктор – "Я тут уже десять лет работаю. Эти ребята своих не трогают. Ну, а пока они тебя за своего

не признают, можно вызывать секьюрити [охрану], чтобы тебя проводили до машины или автобусной остановки". Ирина поблагодарила, попрощалась, сказала, что будет думать. Хотя думать тут особенно было нечего, тем более что зарплата, так же как и район-нэйборхуд, оказалась явно не миллионерской.

Ну, ладно, маленький промах. Тем более, что было еще одно интервью на завтра – поблизости, в очень хорошем месте. Место это известное в нашем городе, да и за пределами, и называется оно район Кастро. Опять же, для тех, кто в американской географии не силен, я поясню, что район Кастро – это место очень хорошо известное по всей Америке. Известность его заключается в том, что живут и обитают там граждане весьма нестандартной сексуальной ориентации. Так что район этот – как бы вроде очень большого клуба для секс-меньшинств на открытом воздухе.

Я лично против этих товарищей ничего не имею. Хотя бы потому, что они же не виноваты, что такими вот родились, с такими вот предпочтениями. Тем более, что это ребята веселые. Не зря их гэй [gay – весельчак] называют. Район чистый, аккуратный, безопасный. Ну, гуляют там юноши или дедушки в коротких штанишках. За ручки держатся. Даже умилительно. Прямо как в детском саду.

Ну, вот в такую вот приятную, чистенькую клинику в приятном, безопасном районе приехала Ирина. Правда, переступив порог клиники, она сразу же заподозрила что-то неладное. В приемной все чисто, стерильно, пусто. Ни одного журнальчика, ни одного мягкого кресла. Мебель – пластик, стекло, метал. Ладно, это все можно отнести на метаморфозы современного дизайна. Но то, что она увидела через стеклянную дверь, весьма озадачило. Врачи и ассистенты точно в палате хирургии. Одеты – штаны, плотные халаты. На головах шапочки, на лицах – маски, очки. Ни одной открытой части тела. Короче на обстановку в любом нормальном кабинете дантиста очень не похоже.

Потом вышел доктор. Очки, маску, резиновые перчатки снял. Поздоровался и перешел к интервью-беседе. Томить я вас не буду и сразу перейду к концу и поясню в чем там дело.

А дело в том, что в этом самом районе Кастро бывает не только весело, но иногда очень и очень грустно. Среди весельчаков с нестандартной сексуальной ориентацией свирепствует неизлечимая и часто смертельная болезнь – Синдром Приобретенного Иммунного Дефицита. Кратко называемый СПИД или ВИЧ. И распространен он среди геев в сто раз чаще, чем среди обыкновенного невеселого люда. Природа, оказывается, не подозревая о существовании веселых сексуальных отношений, не выставила в том самом веселом месте натуральные защитные барьеры. В результате чего вирус быстро и без преград передается от одного весельчака к другому. Зубы же у всех болят одинаково. Лечить надо всех. Ну, а сама эта клиника, в которую по недоразумению попала моя жена, как раз и специализировалась на лечении товарищей, зараженных ВИЧ. Униформа персонала как раз этому и соответствовала. Так что вы понимаете, что после этого визита Ирина бросилась в ванну, где долго и тщательно оттирала руки и прочие открытые части тела.

Ну вот, такие вот невеселые дела. Из клиники доктора Берковича выгнали. Две наводки-интервью провалились. Что делать дальше – неясно. И вот пока мы там дома вечером грустили да читали газеты с объявлениями, раздаётся звонок. На телефоне Марина – та самая мудрая девушка, и сообщает она моей жене, что, между прочим, те вот девушки – Бланка и Лин – которых выгнали вместе с Ириной, уже работают. Уже на своих рабочих местах у доктора Берковича. Так что – звони, просись обратно.

Ну, вот на следующее утро Ирина звонит в клинику доктора Берковича. Секретарша, как ни в чем не бывало, говорит: "Конечно, конечно. Нет проблем. Приезжай". Ирина вскакивает в наш ржавый голубой Шевроле, и настегивая все 80 древних лошадиных сил, мчится в клинику доктора Берковича. Секретарша встречает ее радостно и только говорит: "Подпишите тут бумажку и добро пожаловать обратно". Ну, бумажка та приблизительно такого содержания: мол, получилось некоторое недоразумение, но мы все это осознали, зла друг на друга не держим и судить друг друга не будем.

Оказывается, доктор Беркович и сам хорошо струхнул. Ведь дойти дело до суда, то еще неизвестно, как и чем это обернулось бы. Покуситься в Америке на самое святое, на первую поправку конституции о свободе слова – это вещь серьезная. Вовек не отмоешься. Впрочем, Ирину все эти детали американской жизни не очень интересовали. Подмахнула бумажку – и вперед, к "станку", за привычную работу: сопли, слюни вытирать да больных успокаивать.

Ну, а в конце недели... Вы можете себе такое представить? Вдруг в кои-то веки доктор Беркович проводит эдакое дружеское рабочее собрание, где всех благодарит за ударный труд, повествует, что все мы – одна семья, и здоровье больных наш главный приоритет. Ну, и самое интересное то, что вдруг заговорил он об Ирине. Отметил ее необычайные успехи в зубном деле и пообещал, что в дальнейшем будет ее лично обучать премудростям зубной науки. А после собрания, когда все разошлись, подозвала Ирину к себе секретарша и сообщила что ей, Ирине, почасовую зарплату подняли на целый доллар. Получилось, что почти что на 20 процентов, как и обещал профсоюзный босс.

Ну, вот тем и кончилась история с забастовкой. Можно было бы здесь закончить, но хочу я вас, читатель, еще чуть-чуть задержать. Маленькое послесловие.

Ирина зубным врачом не стала. Выяснилось, что у нее тяжелая физиологическая болезнь – обе руки левые. С такой болезнью в Советском Союзе можно было работать, а здесь, в Америке к сожалению нельзя. Поэтому двинула она по иной стезе. Пошла в университет на мастер-программу по психиатрии. Потом устроилась в большой госпиталь и начала там потихоньку трудиться – вправлять мозги всяческим озабоченным товарищам. А потом прошло еще много-много лет, и вот однажды... не поверите... Входит к ней на прием та самая Сюзан из клиники доктора Берковича. Смотреть на нее было жалко. Располнела. Стрижка короткая, гадкая, словно под мальчика. Проблем с головой – ворох и еще чуть-чуть. Жену мою она конечно не узнала. Где уж тут узнать какую-то ассистентку, у которой она пила кровь десять лет назад? Тем более что этот вот обслуживающий персонал – ассистенты-недочеловеки – пронеслись перед ее глазами, как товарный поезд.

И вспомнилось Ирине как когда-то, давным-давно, так уж хотелось отомстить своей начальнице. Хотелось отомстить тогда, но не сейчас. Сердце оттаяло. Ну, помогла Ирина ей, чем могла, в каком-то смысле даже по знакомству. Пусть выздоравливает.

Доброе все же сердце у моей жены.

Любовь...

Какое красивое слово.

Каждый любит по-разному, кто-то больше, кто-то меньше.

Я же тебя безгранично и безмерно... боготворю!

Мне несказанно повезло в жизни, и я встретил Ангела.

Ты стала частью моей жизни и без тебя я уже не смогу!

Моя жена – мое счастье!

Я не отпущу свое счастье никуда, никогда и ни за что!

Ты напрасно думаешь, что работа для меня главнее. Нет! Всегда на первом месте у меня ТЫ! Очень часто ты говоришь, что по роду занятий я признаюсь в любви своим придуманным героям, а тебе лишь говорю «сухое» – Люблю! Ты права! Все мои чувства посвящены только тебе и пишу я только для тебя. Каждая новая история любви, выходящая из-под моего пера, это новая история любви, посвященная тебе!

Ты мое вдохновение, мой светлый и искренний порыв чувств.

Ты наполняешь меня волшебным нектаром совершенного чувства любви, мне не хватает слов напрямую выразить, как сильна моя страсть.

Ты как глоток освежительной и так желанной влаги для странника в пустыни, истощенного жаждой. Самый ценный и дорогой источник существования.

Ты моя жизнь!

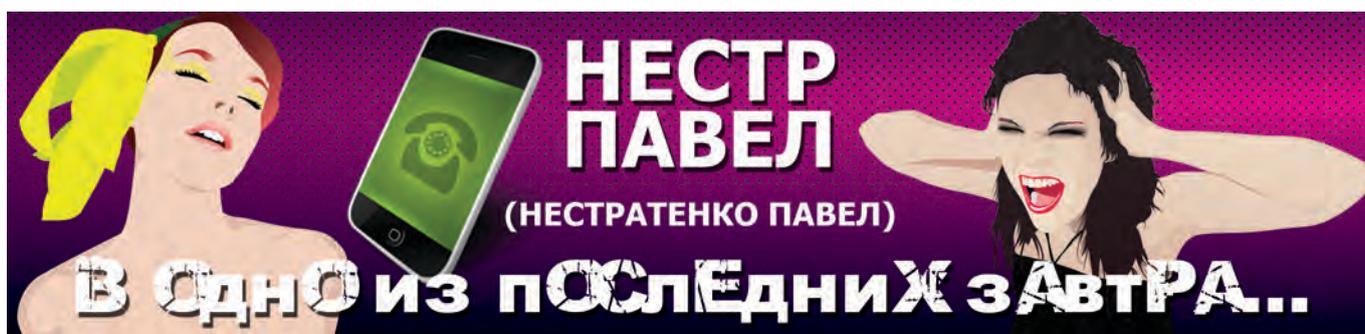
Ты мое второе Я! Часть души, половинка, которую я искал слишком долго, потеряв надежду, обрел.

Я готов каждый день признаваться тебе в любви, но прекрасно понимаю, что слов не достаточно, а на романтические сумасшедшие поступки я не способен. В жизни получается все кувыркром, не так как на бумаге. Мои герои до безумия любят, сходят с ума, ненавидят, расстаются, страсти кипят как в кино. Реальная жизнь меня пугает.

Обретя друг друга, я постоянно боюсь тебя потерять. Мой панический страх иногда превращается в чуть ли не фобию. Объяснить это просто. Ты все для меня. Я слишком много терял до этого и не переживу, если ты уйдешь. Такой я нескладный, непонятный. Но я всем сердцем и душой люблю только тебя мой нежный Ангел. Мой лучик света во мраке пустоты, в которой слишком долго прозябал.

Обещания для тебя пустой звук, слова ничего не значат, только поступки смогут доказать тебе и рассказать как ты дорога мне. Я хочу, чтобы лучезарная детская улыбка, улыбка нежных губ всегда озаряла твое прекрасное личико. Только радостный смех и счастье наполняли твою жизнь. Я готов исполнить каждое твое желание, лишь бы ты была счастлива.

Я не призываю всех ринуться и стать подкаблучниками своих девушек, жен. Я лишь говорю, что любить нужно так, чтобы каждую секунду она могла чувствовать, что нужна! Тогда любовь будет взаимной, а это и есть истинное счастье!

Любой нормальный человек ненавидит, когда ночью раздается телефонный звонок, которого он не ждет. Отвечать или не отвечать на такие звонки – он принимает решение за долю секунды, но эта секунда кажется ему иногда бесконечностью, за которую может решиться судьба человечества. В большинстве случаев звонивший – это ошибившийся в номере пьяный идиот, который не может из-за перепитого попасть по правильным клавишам. Нередки случаи, когда случается «ЧП», и звонок важен, а бывает, что это просто пьяный друг потерял себя во времени и решил обрести себя снова с помощью голоса, а точнее – недовольных криков наверняка спящего в это время друга.

Одно дело – когда человек спит, но случается, что телефонный звонок тревожит еще более занятые постельные моменты из жизни. Дарья, находясь под своим партнером, не то что бы не жаждала этой ночью интимных приключений, но то, каким образом все происходило ей не придавало позитива. Интим не заладилась с самой прелюдии. Пока можно было все прекратить – надо было заканчивать, и зазвонивший телефон оказался как нельзя кстати.

– Жуль, слезь с меня, звонит телефон! – грозно произнесла Дарья и сильно оттолкнула парня.

– Ну что такое? Почему ты его вообще не отключила? – оперевшись на левый локоть, недовольно он буркнул в ответ.

– Может быть, что-то серьезное, вдруг с родителями беда...

– У них нет бед, они сейчас точно спят, это по любому какой-нибудь осел ошибся номером.

Не слушая Жуля, Дарья схватила телефон, нежно провела по экрану пальчиком, задержала дыхание и посмотрела что время разговора пошло. Номер был ей незнаком, и она осторожно произнесла:

– Алло.

– Даш, привет! Я тебя не разбудила? – голос звучал очень грустным и одновременно истерично возбужденным.

– Нет. Я смотрю телевизор... Марина, это ты?

– Да. Я точно тебя не разбудила?

– Все хорошо. Что-то случилось? – Дарья посмотрела в сторону Жуля и всем своим взглядом показала ему, как он не прав, и что этой ночью ему ловить нечего.

– Я боялась тебя разбудить. Ты не видела сегодня Игоря? Он был на работе и пропал. До сих пор его нет дома, и телефон у него отключен.

Дарья закатила глаза, а потом перевела взор в сторону нахмурившегося Жуля, будто осознавая, что отказ от секса в пользу в выслушивания очередных истерик подруги оказался не таким уж и счастливым стечением обстоятельств.

– Ты не видела, я сегодня целый день моталась по магазинам, а весь вечер провела на диване у телевизора с ноутбуком. У тебя, кстати, новый номер?

– Это мамкин, она забыла у меня дома свой мобильник. Я переживаю. Не могу представить, куда он может деться.

– Ты звонила Денису? Может, он у него травку курит?

– К Денису я уже заходила, он там был наедине с гашишным дымом и тараканами. Игоря он даже спрятать в своей квартире бы не смог.

– Не переживай ты так. Еще только три часа ночи. Он еще обязательно придет. Я думаю, тебе надо ложиться спать.

– Да, он всегда приходит, и я так больше не могу, два года вместе, и он как ураган гуляет, то он дома все уничтожает, то неизвестно где еще бушует.

– Все будет хорошо.

– А может, ну его? Хватит это терпеть. Годы берут свое. Я уже не девочка. Рано или поздно он так и не вернется, а у меня ни детей, ни будущего.

– Марина, он мент, у него такая работа – задерживаться. Может,

у него дежурство, а телефон просто разряжен...

– А может, он с очередными шлюхами в сауне, а я тут страдаю.

– Не надо таких мыслей... По твоему голосу мне кажется, что ты немного подвыпила, или мне только кажется?

– Не знаю. Мне страшно.

– А может, он уехал на день рождения к Джохару?

– Сомневаюсь. Он бы к нему не пошел.

– Вдруг его насильно затащили в машину и увезли.

– Точно нет. Джохар же не террорист.

– Сомневаюсь. Но я рада, что уже ты меня успокаиваешь.

– Эх, Дашка ты специально придумываешь нелепые версии, чтобы отвлечь меня от истины.

– Но ты же не знаешь истины...

– Истину никто не знает.

Из динамика прозвучал звук разбитого стакана.

– Что это? – спросила Дарья.

– Я разбила стакан, – истерически засмеялась Марина.

– Значит, ты все же пьяна...

– Да, Дашка, да. Признаюсь, я немного выпила, но мне же страшно, я очень переживаю за Игоря.

– Сделай себе постель и ложись спать.

– Значит, я тебе все-таки тебя разбудила и мешаю тебе.

Дарья посмотрела в сторону беззаботно лежащего Жуля и продолжила разговор.

– Я же сказала что нет. Я сидела у компьютера.

– Ты же смотрела телевизор?

– Одно другому не мешает, – сделала паузу, ответила Дарья.

– Как хорошо, что у меня есть ты. Ты – единственная, кому я могу доверять. Помнишь, как мы гуляли по набережной и ели сладкую вату.

– Помню...

– Мы были совсем маленькие. Я подбежала к лошадке, а она навалила кучу. Я расплакалась, а ты меня долго успокаивала до прихода родителей.

– Да, это было очень давно...

– Кстати, это ты меня познакомила с Игорем.

– А вот этого я не помню.

– Он задержал твою подругу за работой. А ты поехала ее выручать, а меня взяла по пути. На месте я с ним и познакомилась.

– Да, действительно. Как я могла это забыть. Просто теперь у меня нет таких ночных подруг, работающих на дорогах.

– Подожди секунду. Кажется, он вернулся. Не отключай телефон.

Из динамика прозвучали истеричные крики Марины, звуки разбитой посуды. Затем прозвучал хлопок и связь прервалась.

Дарья посмотрела на экран телефона и медленно перевела глаза в сторону Жуля. Он смотрел на нее без фанатизма, но все же спросил:

– И что она говорит?

– Не прикидывайся, ты сам все слышал.

– Может быть, но я хочу, чтобы ты повторила.

Мобильник снова подал признаки жизни. Дарья дрожащей рукой с третьей попытки провела пальцем по экрану и поднесла телефон к уху.

– Даш, это снова я. Ты еще не заснула? – в слезах спросила Марина.

– Конечно, нет. Ты плачешь? Он тебя ударил? Тебе помочь? – Дарья перевела на секунду взгляд на Жуля, который демонстративно от нее отвернулся.

– Все нормально. Он сейчас трезвеет в ванне.

– Он тебя точно не трогал?

– Нет, он меня никогда не бил. В этом плане к нему у меня нет претензий.

– Марина ложись спать. Завтра будет другой день. На трезвую голову...

– Не хочу! Я подумала, что хочу стать проституткой.

– Боже мой, зачем тебе это? У тебя есть нормальная работа.

– Лепить пельмени в маленькой коробке в антисанитарных условиях – это не нормальная работа! Я хочу новых эмоций. Отдаваться в пучину страстей.

– Тебе не хватает эмоций? Но это не повод вставать на панель. Это грязно. Одно дело – из-за денег, но каких ты еще хочешь эмоций? – повысила голос Дарья.

– Я хочу тех же эмоций, которые были, когда наши отношения с Игорем только строились. Я помню одно из первых наших свиданий, когда мы с ним познакомились. С неба медленно спускались теплые хлопья снега. Я стояла на улице с поднятыми руками. Я чувствовала ладонями ветер, я ощущала миллионы потоков, из которых он был сплетен, и которых я никогда не хотела замечать. Весь мир предстал передо мной как драгоценный камень, грани которого открыли мне столько света и добра. Это был день, но мне казалось, что небо уже усеяно звездами. Я увидела Игоря. Он был прекрасен. Я просто купалась в его речах, может, он и мент, но он был романтиком. Он читал мне стихи:

Без вас мне скучно, – я зеваю;
При вас мне грустно, – я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!

– Он сам написал тебе эти строки?

– Он говорил, что сам придумал, но это сделал Пушкин пару веков назад...

– А я и не знала, что это Пушкин...

– И я не знала...

– У тебя есть приятные воспоминания, я думаю, на этом стоит остановиться и лечь спать.

– Я не могу. – Марина, хлопая носом, начала еще громче плакать.

– Ну что еще?

– Я хочу тебе признаться.

– В чем?

– У меня СПИД.

– Что?

– Я давно заставила провериться Игоря, и на днях пришел результат. Он оказался тоже болен.

– Как это могло произойти? Это пьяные шутки?

– Никаких шуток. Все серьезно. Я не знаю, как. Мы оба не ангелы, но я чувствую свою вину. Я не знаю, как мне быть. Я хотела ему сегодня рассказать, а его все не было, и теперь он пришел в таком виде...

– Я не знаю, что сказать... Мне плохо, – по лицу Дарьи мелькнула слеза, и ее глаза сильно намокли. Казалось, они задрожали в ритм стуков ее сердца.

– И я не знаю, Даша. Я тебя так люблю. Большое тебе спасибо, что выслушала меня. Ты единственная, кому я могу довериться. Спокойной ночи. В одно из последних завтра будет лучше...

Телефон разрядился, и Дарья попыталась его несколько раз реанимировать, нажимая на боковые кнопки и нервно двигая пальцем по экрану. Все ее попытки были безуспешны, и она швырнула его на пол. Вытерев слезы, она обратила внимание на сидящего в куртке на против нее Жуля.

– И что она говорит? – произнес он.

– Ты издеваешься, ты сам все слышал!

– Она алкоголичка. Сумасшедшая. Она говорила, что встретила дома призрака, который пошел принимать душ. Как ей можно верить?

– Отбрось ложь. Скажи мне, ты знал?

– Да... – после минутной паузы ответил Жюль.

– Игорь Жулебин, покинь эту квартиру и, пожалуйста, никогда мне не попадайся на глаза. – Дарья опустила голову вниз к своим согнутым коленям и закрыла лицо ладонями.

– Это я тоже знал, и поэтому уже оделся. Прощай.

Дарья сидела неподвижно. В ее голове крутилась только мысль о том, когда придет последнее завтра...

07.01.2013

Вологодский конвой шуток не признаёт! Шаг вправо, шаг влево – считается побег. Прыжок вверх – считается агитацией или попыткой улететь!...

(из тюремного фольклора)

Как-то я поехал налево...

???

Ну, понимаете сами!... На бл...дки!...

Иногда надо!... Ну, надо!... Ой, как надо!...

Абстрагируешься от повседневной суеты, в которой бл...ства гораздо больше...

Сравнишь и потом начинаешь больше ценить то, что имеешь...

Но главное – не борщить и не перебарщивать... Копать так... на полштыка!...

И не в полный рост!... Чтобы оставались силы для швартовых операций в "порту приписки"... Так вот.

«Самый наилучший муж – в меру приносящий, в меру пьющий, в меру дюж ...и слегка гулящий.

А приличная жена так блюдет пропорции: в меру тряпок, в меру сна и средние эмоции».

Поехали мы с моей подружкой двадцать третьего февраля в её

гнёздышко, пока муж был в рейсе... Чтобы получить поздравления с днём защитника, полузащитника, нападающего и вратаря... Получил... С хорошим "счётом"... Вроде, всё по масти, замечательно. Только одно маленькое "но". А "но" заключалось в том, что когда мы с ней выходили из подъезда к автомобилю и шурились от балдохи-солнца, то вдруг над нами что-то загрохотало... И с покатою крыши высотного дома прямо на мою машину упала оттаявшая глыба льда. Глыба размером с полвагона...

Она пронеслась, как фанера над Парижем, со свистом бумеранга. Эта ледяная лавина опустилась в шаг от нас и проломила крышу автомобиля. Асфальт загудел, как при землетрясении, и прогнулся. Ещё бы всего шаг влево!... И мы с ней были бы просто погребены под тоннами льда!... Агрегат был весь изуродован. Мы, влюблёнши, в шоке. У нас, у самих чуть крыша не поехала!

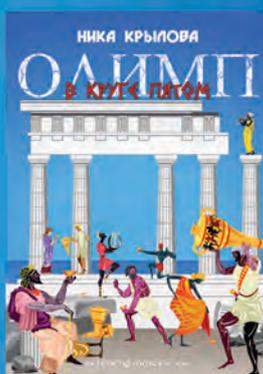
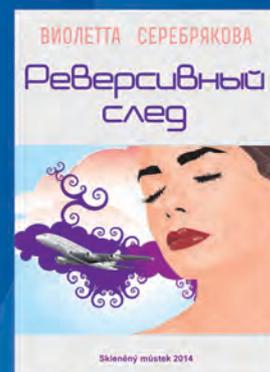
Вот так, люди, бегать налево!... Я тогда посчитал это грозным предупреждением с небес.

Я потом долго судился-рядился с местной Дирекцией эксплуатации зданий по поводу компенсации за причинённый ущерб.

С тех пор я отмечаю двадцать третье февраля как свой второй День рождения...

А вы мне говорите!... Теперь вы поняли, почему известный мэром носит кепку пуленепробиваемую?... Чтобы не обл@денеть!...

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга -
здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

